

На неведомых тропинках

ПО ИСЧЕЗАЮЩИМ СЛЕДАМ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

АНЯ СОКОЛ

18+

Мир стёжек

Аня Сокол

**На неведомых тропинках.
По исчезающим следам**

«Автор»

2019

Сокол А.

На неведомых тропинках. По исчезающим следам / А. Сокол —
«Автор», 2019 — (Мир стёжек)

Что делать, если твой дом исчез? Исчезли стены, крыша, пол. Пропали соседи. Сгинули в небытие вредный староста-ведьмак и чёрный целитель. Исчез падалыщик и куча другой нечисти разной степени испорченности. Исчезло всё. Даже названия села больше нет ни на одной карте. И никогда не было. Пойти по следу и совершить невозможное? Пусть так. Пусть стёжка в очередной раз ляжет под ноги, пусть за каждым поворотом ждёт приключение. Я не устану и не сверну, я верну свой дом. Но что, если цена возвращения - стать такой же, как и все вокруг, стать чудовищем? Не окажется ли она слишком высока? Содержит нецензурную брань.

© Сокол А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

1. Стяжатель	5
2. Братья по артефакту	25
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Аня Сокол

На неведомых тропинках. По исчезающим следам

1. Стяжатель

– Ничего, – сказал Мартын и захлопнул потрепанный переплет не менее потрепанной книги.

– У меня тоже, – кисло добавила я, отодвигая разноцветные тома.

Пашка промолчала. Явидь давно дремала на стопке исписанных инописью листов. Мы трое – все, что осталось от исчезнувшей в небытии стежки.

Я потеряла слезящиеся глаза, двое суток в библиотеке *fili de terra* оставили после себя раздражение, усталость и тающие надежды. Так увлекательно мне не доводилось коротать ночь со времен студенчества.

Библиотека земли детей еще не доросла до электронной обработки и хранения информации, хотя пара компьютеров уже занимала почетные места в центре зала. Толку от технологий было мало, в электронную базу еще не внесена и десятая доля имеющихся в библиотеке книг. Мы добывали сведения, не вбивая буквы в поисковые строки, а более привычным способом – задавая вопросы и перебирая тома на деревянных полках.

Потянувшись, я встретила с полными мольбы карими глазами. Ошибка, нас осталось четверо. Сын Веника – Марик, которого на ночь всегда отправляли в корпус и который каждый раз возвращался, задавая глазами один и тот же вопрос. Я не ответила, но он все понял и опустил голову.

Теоретически можно было еще найти дочку баюна, но зачем? Чем нам поможет еще одно испуганное создание? И уж тем более, никому не хотелось рассказывать ребенку, что у него больше нет дома. И нет отца. Наверное, вообще никого нет. Нечисть редко заводит большие семьи.

Во рту давно поселилась противная горечь, ее привкус с каждым днем становился все сильнее. Привкус поражения.

– Так не бывает. – Старший сын Константина встал и прошелся по вытянутому залу. – Неужели никто никогда не пытался их вернуть? Пусть ничего не вышло, но, – он пнул ножку стула, – ни намек на успех или неудачу. Ни одного упоминания, ничего!

– Я могу забрать книги? – спросил хранитель знаний.

– Да. – Мартын повернулся к стеллажам.

Мужчина поправил очки и стал аккуратно составлять тома в стопочку. Я пододвинула еще несколько, оставив лишь одну книгу в желтом кожаном переплете. Она больше напоминала дневник или журнал, который долго таскали за пазухой. Пашка предпочла не шевелиться.

Добавили мы библиотекаря работы, но он не жаловался, лишь глаза за стеклами очков иногда вспыхивали вкусным цветом малинового варенья. Я с трудом представляла, какому испытанию подвергается выдержка стяжателя, вынужденного, хоть и на время, отдавать в чужие руки книжные сокровища. Но, судя по спокойствию, с которым он взирал на шумных малышей шести-семи лет, бегающих по залу и хватающих все подряд, ворий был стар и умел сдерживать инстинкты.

Дети продолжали пускать бумажные самолетики, сделанные, слава святым, не из книжных страниц. Ученики входили и выходили из библиотеки – основательного дома, сложенного из серых валунов, пользовавшихся большим спросом у дворян прошлого тысячелетия для

постройки родовых замков. Мы не покидали читальный зал уже два дня, не считая коротких отлучек в столовую да в детскую к Неверу. Спала я в общей сложности часа четыре, и краткие моменты забытья не приносили удовлетворения, каждый раз возвращая к глубокому снегу и к пустоте, что разверзлась на месте нашей стежки.

И, оставшись без дома, мы вернулись туда, куда вели все дороги в этом мире, дороги отчаявшихся и нуждающихся в убежище. В *filii de terra*. И, что еще удивительнее, земля детей выпустила нас. Змею, отбывшую наказание в замке хозяина, и его несостоявшуюся убийцу.

Молодой целитель положил на стол несколько толстых томов.

– Должно же быть хоть что-то. – Парень сел, открыл ближайший, пробежал глазами предисловие и потер переносицу.

За соседним столом хихикали девочки, судя по виду, первого года обучения, разглядывая что-то, несомненно, веселое в иллюстрированном анатомическом атласе. Трое мальчишек в голос спорили у стола вория. Все это очень отличалось от стерильности и безмолвия человеческих библиотек. Вдоль высоких окон, забранных переливчатыми, как мыльные пузыри, стеклами, стояли круглые столы. Здесь не рассаживали детей согласно утвержденному министерством плану, не делили на выпускников и малышей, здесь не заставляли молчать, здесь не давали знания – здесь учили задавать вопросы и находить ответы в шуме, в гаме, в хаосе веселых и иногда кусающихся нелюдей, в четко выверенных движениях библиотекаря. Может, это связано с острым слухом нечисти, сводящим на нет любые приватные разговоры, а может, с тем, что обитатели нашей тили-мили-тряндии никогда не ходили строем и начинать не собирались.

– Достойное упорство, – пробормотала Пашка, поднимая голову, – искать дом, из которого тебя должны с позором выгнать.

– Точно. – Мартын перевернул страницу. – Вот найдем, и сразу выгонишь.

– А если нет? – спросила я.

Ответом стал судорожный вздох Марика, пацан никуда и не ушел, бродя вокруг стола с потерянным видом. И не уйдет, пока не прогоним.

– Найдем. – Молодой целитель резко захлопнул книгу. – Перевернем Северные пределы, а если понадобится, и соседние. Нам бы зацепку, намек, направление, а там нас никто не оставит.

– Нас? – удивилась явидь.

– Нас. – Он встретил горящий медью взгляд. – Мое обучение окончено, не вижу смысла сидеть тут до шабаша взросления и официального роспуска. – Парень взялся за вторую книгу. – Я иду с вами, и это не обсуждается. – Его зеленые глаза вызывающе вспыхнули.

Пашка в ответ лишь зевнула и чуть напряглась. К нашему столу подошли две девочки, вернее, девушки. Минутой ранее их компания о чем-то переговаривалась у дверей и вроде уже собиралась уходить.

– Март, – позвала более худенькая, с короткими черными волосами.

– Не сейчас, Лил. – Мартын даже не обернулся.

– Но, – девушка поправила волосы, – это насчет шабаша, ты в совете и надо...

– Потом. – Парень сосредоточился на книге.

К счастью, спутница черноволосой, пухленькая, рыженькая, с задорными веснушками, оказалась сообразительней настойчивой подруги:

– Потом, так потом. – Она потянула девушку к выходу. – Пошли, Лили.

– Суров, – хмыкнула Пашка, скулы Мартына чуть порозовели.

Последующие пять часов мы провели, зарывшись в бумаги, слушая смешки и пересуды учеников, тихие шаги вория, недовольное шипение явиди, приправленное напряженным ожиданием Марка. Его два раза отсылали на занятия, и он два раза возвращался. Помощь не предлагал, но и не мешал.

Ярким светлым пятном выделялся визит Алисы. За эти двое суток мы виделись чаще, чем за последние три года. В какой-то момент я чувствовала на плечах ее руки и начинала улыбаться. По-дурацки, как охарактеризовала Пашка.

Быстро пересказав мне новости о разорванной блузке, невкусном рагу и приглашении на шабаш сразу от троих парней, моя легенда зимы убежала на занятия. Улыбка не сходила с лица еще час, желтый дневник так и остался открытым на первой странице.

Стежки пропадали в нашей тили-мили-трындии редко. Известно о семи случаях. Юково восьмое. Каждое выдергивание нити перехода неотделимо от артефакта ушедших. Вещи из запретного города, из Дивного городища. Сценарий списан под копирку: хозяин или хозяйка брали в руки пакость, притащенную кем-то, к тому времени уже покойным, а ушедшие вносили за это плату. И плату немалую. Если обычная нечисть, схватившись за запретное, могла потеть как дырявый носок, так и голову, то с хозяев спрос особый – демоны лишались переходов.

Предсказать, какая из тысяч дорог уйдет к низшим, невозможно. Может, крестик на карте, через который непрерывным потоком идут товары, а может, глухой угол с населением в три деда и говорящей козой не привязи. В долговой расписке оставлена пустой графа для суммы. Взявшись за артефакт, демон подписывал пустой чек. Ушедшие его обналачивали. Они никогда не отпускали в долг.

Первым в истории расплатился за силу артефакта предок Видящих. В алой цитадели до сих пор хранилось каменное кайло, способное, по слухам, пробивать твердь земли, давая выход воде. Там, где ударял камень, рождался чистый источник. За чудо заплатили жители Йоронбурга, маленького исчезнувшего поселка на западе континента.

Примеру огневолового последовал Прекрасный демон, тогда это еще был «он». Хозяин юга раскрутил старое рассохшееся деревянное веретено, которое может как ускорить, так и замедлить время. Село Гейтари, по версии людей, осталось погребено под тоннами грязи внезапно сошедшего селя. Но уроком это Прекрасным не послужило, и артефакт вернулся в мир спустя столетие. Южане снова оплатили счет хозяина, ушел в небытие Ай-Тодор, населенный пункт, упраздненный в связи с убытием жителей, как написано в людских исторических хрониках. Без подробностей, куда это они так неожиданно всей толпой убыли.

Три артефакта осели на востоке. Ожерелье из ста одной деревянной бусины, глиняный чайник и кисточка из шерсти степной рыси. Что они делают, до сих пор неизвестно. Простой не покидает границ предела, не распространяется о подвигах и не хвастается спрятанными сокровищами. Ушедшие забрали Кадычкан, любовно прозванный людьми Долиной смерти. Бывший лагерь ГУЛАГ – жемчужина в короне Простого, самое громкое исчезновение тихой эпохи. Дороговато за кисточку из драной кошки.

В эпоху истребления исчезновение Шежама в горниле междоусобных войн прошло практически незамеченным. Надеюсь, чай из старой растрескавшейся посуды того стоил. В графе «причина исчезновения» даже люди написали правду – ликвидация дорожно-транспортного сообщения. Нет дороги – нет жизни.

Бусы, которые не наденешь ни на одну женщину, появились на востоке в эпоху единения. Их силу обменяли на Алысень, нелегальный поселок, так и не нанесенный ни на одну человеческую карту.

Седые не остались в стороне. Прапрадед Кирилла напоил из чаши жизни ведьмочку, ставшую впоследствии его женой. Живая вода, в которую посуда превращала жидкость, – единственное, что могло вернуть к жизни убитого на алтаре. Воскрешающая водичка обошлась северным пределам в Погыдино, по которому, судя по записям, никто особенно не скучал.

Спустя эпоху его потомок взял в руки часть зеркала ушедших и, не получив желаемого, расплатился за химеру. Вопреки ожиданиям, в чужих руках стекляшка не смогла убить демона, а вела себя ничем не лучше обычного ножа.

А мы остались без дома. Без нашей дороги. Без Юково.

На этом страшные истории об исчезнувших поселениях заканчивались. Совсем. Ни одна из ушедших стезек не вернулась. Никто больше не видел их жителей и не слышал о них. Ведьмы, нелюди, бесы и прочие твари сгнули в одночасье. Но больше страшило другое. Ни один хозяин никогда не пытался вернуть утраченное. В свете упрямства и жадности нечисти это наводило на нехорошие мысли.

Я снова взялась за книгу в желтом переплете. Хрупкие страницы исписаны от руки синими, чуть расплывшимися чернилами. Как и предполагала, это был дневник. Записи путешественника, бродившего пятьдесят лет назад по внутреннему кругу по стезкам. Подвий был бродягой, что само по себе странно, нечисть тяготеет к оседлому образу жизни. Он потратил жизнь на поиски налокотника доспехов кого-то из ушедших. Я заглянула в конец тетради. Не нашел, но побродить ему пришлось изрядно.

Лаконичные строки отправили меня на полвека назад, вместе с Туром Бегущим в горы, у людей носящих название Уральских. Он прошел немало дорог и сменил не одну дюжину стёжек ради своей неясной и недостижимой цели. И записал это.

Бумкнуло так, что вздрогнули стекла. Я подпрыгнула на месте, Пашка обросла чешуей меньше чем за секунду. Малыши замолкли, ученики постарше, наоборот, разразились ругательствами. Мы кинулись к окнам, не замечая, как падают стулья и шелестят страницами брошенные книги.

Снаружи был слышен лишь хохот. Четверо мальчишек лет восьми-деяти стояли на лужайке перед библиотекой, склонив друг к другу головы. На миг они замерли, а потом отпрыгнули в разные стороны так быстро, что человеческие глаза едва могли уловить смазанное движение. На траве остался лежать маленький красный цилиндрик с коротким шнуром запала. Раздалось еще одно зубодробительное «бум».

– Святые, – с облегчением выдохнула я, – думала, что...

– Знаю, – откликнулась стоящая на хвосте явидь, – я тоже.

Дети засмеялись. Всего лишь петарда, обычная новогодняя пугалка, которая заставляет таких «бабушек», как я, хвататься за сердце. Демоны стучали не в пример громче, заставляя содрогаться остров детей, но в первое безумное мгновение нас с Пашкой посетило одно и то же неприятное воспоминание.

Ворий уже был на улице, и через мгновенье трое хулиганов удрали через газон, бросив на прощание еще один цилиндрик. Четвертый отчаянно старался вырвать ухо из крепких пальцев стяжателя.

Дети и в нашей тили-мили-тряндии дети, пусть их шутки заставят поседеть человеческих учителей. Думаю, скоро пробуждение с красным цилиндриком под подушкой станет для местных реальностью.

Третий глубокий, пробирающий до костей, хлопок уже не произвел нужного впечатления. Скрипя ножками о каменный пол, поднимались стулья, шуршали страницы, собирались раскатившиеся карандаши. Пойманный мальчишка шипел, скаля клычки, безуспешно сопротивляясь втащившему его внутрь стяжателя. Кто-то засмеялся, кто-то вздохнул, им нравился бессильный злой страх пойманного, нравилось предвкушать чужое наказание.

– Низшие, а где книги? – растерянно спросил Мартын, возвращаясь к столу. – Кто взял? – Парень отодвинул стул и заглянул под стол. – Вы? – Он посмотрел на вория.

Глаза хранителя зажглись, рука опустилась, и мальчишка, потирая красное ухо, шмыгнул в раскрытую дверь. Стяжателя больше не волновали шалости.

Я посмотрела на стол, стопка листов с инописью, которую сутки переводила явидь, лежала на прежнем месте. Ни желтого дневника, ни пары томов по истории пределов, что листал целитель, не было.

Тихий библиотекарь, передвигавшийся среди стеллажей неспешными шаркающими шагами, вырос рядом с нами в один удар сердца. Взмах рукой – и стол оказался отброшен в сторону. Листки с инописью взлетели в воздух белыми неуклюжими птицами.

– Мои книги, – прошипел собиратель. – Мои!

Хранитель шаг за шагом наступал на Мартына. Глаза мужчины разгорались малиновым огнем, пока стекла очков, треснув, не осыпались на пол. Пол, потолок и стены исчезли, на краткий нереальный миг библиотека стала тем, чем была на самом деле – глубокой пещерой в агатово-черной скале. Смех стих.

Я поняла, кем был ворий на самом деле. Увидела за оболочкой среднего неприметного человека нелюдя, собирателя и охранника сокровищ, того, кто жил в пещере, пуская в ее нутро желающих посмотреть на блестящие камушки, дотронуться до толстых переплетов. Стяжатель. Гигантский ящер с малиновыми глазами и чешуей, на которой играли блики. Люди называли их драконами.

Не благородные и мудрые создания, а воры, вымогатели, испытывающие болезненную страсть к предметам, не брезгующие убийством и шантажом, чтобы получить желаемое. Одна из истин обоих миров звучит так: никогда не воруй у дракона. Все. Ни вариантов, ни двояких толкований.

– Мои книги, – повторил ворий, рыча и подступая к Мартыну.

– Не пойдет. – Целитель нахмурился, в глазах парня засверкала зелень. – Я все еще воспитанник, и если ускорить сердцебиение, то хранительница будет здесь...

– Остынь, Картэн. – Появившаяся из воздуха Мила положила руку на плечо библиотекарю. – Остынь, он не вор.

Целитель поставил стол обратно, стяжатель закрыл дверь за последними посетителями, библиотека временно перестала работать.

– Итак, пропали книги? – оглядывая зал, спросила Мила.

– Да. Книги, которые я выдал им. – Стяжатель снял бесполезные очки и убрал в карман.

– У нас их нет, – ответил Мартын.

– Мы не выходили из зала, – добавила явидь и принялась.

– Он это знает, – сказала хранительница.

– Находясь в этих стенах, я чувствую каждый том и знаю, когда мои вещи пытаются вынести, – собиратель выделил голосом эпитет «мои», – но я вышел на минуту и двадцать семь секунд.

– То есть книги не затерялись на полках? – спросила я, – и это не шутка мальчишек, которые слишком заскучали?

Ворий отвернулся, не считая нужным отвечать.

– Что со следами? – спросила Мила.

– С ними все хорошо, – Мартын выдохнул сквозь зубы, – здесь отметилась половина острова – от первоклашек до выпускников. Так что можно начинать повальные обыски у каждого второго, по жеребьевке.

– Или нужных следов нет вообще. – Стяжатель сжал кулаки и посмотрел в мою сторону. – Демон в закрытии.

– Опять двадцать пять, – сморщилась Пашка. – Зачем это демонам? Папочка любого из них прикажет – сам в зубах принесешь.

– Значит, у нас вор, – резюмировала Мила.

– Раньше такого не случалось? – спросила я.

– Как же! – рассмеялся Мартын. – Когда у той же Лили началось созревание, она полкорпуса учебных пособий в логово перетаскала.

– Картэн не единственный ворий в *filii de terra*, – пояснила хранительница.

Библиотекарь шумно выдохнул и сел на ближайший стул. Градус общего напряжения стал падать, злость, исходившая от уязвленного стяжателя, чуть утихла.

– Если у кого-то из младших началось созревание, – мужчина достал очки, скорее, по привычке повертел оставшуюся без стекол оправу и убрал обратно в карман, – ему нужен наставник, иначе, – он посмотрел на хранительницу, – все может выйти из-под контроля.

– Значит, обойдем всех потенциальных стяжателей, и, дадут высшие, найдем пропавшее. – Хранительница кивнула и растворилась в воздухе.

– Мы не подумали еще об одной возможности, – задумчиво проговорил Мартын. – Мы не скрывали, какие знания ищем. Книги забрали, чтобы не дать найти в них ответы.

– Мальчик, у тебя приступ величия? Книги стояли здесь годами, десятилетиями, – стяжатель встал и оправил рубашку, – их прочли тысячи до тебя, и тысячи прочтут после. Это не запретные знания, не тома из закрытого хранилища. – Мужчина топнул ногой, пол отозвался громким гулом. – «Хроники эпохи истребления» и «Забытая история запада» имеют до сотни копий, разбросанных по пределам. Дневник дурачка Тура я дал вам, потому что там упоминается артефакт ушедших. – Стяжатель пошел к двери. – Он бродил по горам в начале тихой эпохи. Исчезновения стёжек пришлось на другие века, так что, – ворий открыл дверь и взмахнул рукой, – пошли вон из моего логова.

Библиотека находилась на юге, если понятие сторон света вообще применимо к острову, затерявшемуся во времени и пространстве. Мы могли бы назвать направления не западом и востоком, а первой и второй стороной, тьмой и светом, красной и синей окраинами, да как угодно. Но мы были консервативны. Я подумала «мы»? Самой не верится.

Сразу за каменным, врастающим в землю домом стяжателя начинался густой ельник, справа между стволов виднелись высокие земляные насыпи, так похожие на кротовьи норы. Здесь ощущалась близость перехода, она еще не звала, не шептала, а едва заметно дрожала. Но каждый, проходящий мимо, знал, что безвременье рядом. Это как понимать, откуда дует ветер. Просто ощущение, только в этот раз чувствуешь не кожей, а мозгом, какой-то не поддающейся рациональному объяснению частью.

– Он сказал, их читали тысячи. – Мартын расхаживал по газону перед библиотекой, из которой нас так вежливо выпроводили. – Глупая кража.

– Если пропажу не вернуть, нам закроют допуск в библиотеку. Всем закроют, – проговорила явидь, прищурившись.

– Дракону, утратившему вещь, понадобится время, чтобы прийти в себя. Век, другой. Придется искать другие источники информации. Ближайший находился у хозяина в серой цитадели, – согласился молодой целитель.

– Неужели нет никого, кто бы читал эти книги? – При упоминании цитадели, вернее, при мысли о Кирилле, у меня по спине побежали мурашки.

Целитель остановился.

– Я должен поговорить с Лехой. Он читает все, что написано. И помнит тоже, как и все книгочеи. – Парень взъерошил длинные волосы.

– Помощь нужна? – Пашка взмахнула хвостом.

– Лучше я сам, – ухмыльнулся Мартын, – встретимся за ужином. – Он развернулся и побежал к жилым корпусам.

День перевалил за половину, солнце прогрело воздух, и я стащила кофту и повязала вокруг талии. Контраст с холодом зимы остального мира был разительным. Яркие лучи согревали кожу, тогда как внутри царил лед. Стоило хоть на миг закрыть глаза, и я возвращалась на стезю, на то место, где она была, в спадающих валенках, проваливаясь в снег, туда, где дул ветер. Холод забирался под кожу и застыл там.

– Хватит! – рявкнула явидь, складывая чешую и превращаясь обратно в девушку.

Я открыла глаза – вверху голубое небо и зеленые листья.

– Мир не остановился из-за того, что пропало Юково, поняла? Он не остановится, даже если мы его найдем. Прекрати скулить!

– Я не скулю.

– Ты воешь. – Она ткнула пальцем мне в грудь, вроде легонько, без желания причинить вред, но я пошатнулась. – Ты как собака, которую хозяин пинками выкинул за порог. Ты скулишь и бегаешь кругами в надежде вернуться в любимую выгребную яму, чтоб получить еще порцию плетей. Что ты там оставила? Полоумную бабку? Старика, который сломает тебя щелчком пальцев, а на следующий день и не вспомнит? Или, – явидь усмехнулась, – симпатичного соседа?

Я отвернулась, предпочитая смотреть на качающиеся головки сиреневых цветов.

– Смущение, стыд и чуть-чуть недовольства, но не отрицание, – в голосе Пашки послышалась издевка. – Иногда, когда ты смотришь на Веника, в тебе ощущается... – Явидь щелкнула пальцами, словно не могла подобрать слово. – Хочется узнать, как это будет, да? Какими будут его объятия? Каков на вкус поцелуй падальщика?

– Да пошла ты!

– Думаешь, мы легко читаем твой страх, ненависть и боль – но не в силах распознать похоть? Не смешно? Я две чешуйки из хвоста поставила, что еще до исхода внутреннего круга ты окажешься под ним.

– Что? Он же падаль...

– А он поставил три берцовые кости, что еще раньше.

Я посмотрела в медные глаза с двумя зрачками, нечисть давно не верит словам, только собственному чутью, да и то через раз. Как ей объяснить необъяснимое, то, что сама едва осознаешь?

– У нас в училище был преподаватель статистики. – Я опустила глаза. – Ничего особенного, просто нестарый мужик, из тех, кому идет седина, грамотный, логичный, отстраненный.

– Возможно, слишком отстраненный? – ухмыльнулась явидь.

– Возможно. – Спорить не хотелось. – Но что-то в нем такое было, и иногда я представляла, – взмах рукой, – как он касается кожи, проводит рукой по шее, склоняется к лицу.

– Весело. И как? Дядечке повезло?

– Почти. – Я против воли улыбнулась. – Наверное, у меня на лице все было написано, как-то в среду статистика была последней, и он попросил меня задержаться.

– Судя по всему, – Пашка принялась, – на этом романтика и закончилась.

– Да. Он меня поцеловал. Дыхание отдавало столовской картошкой, губы были до противности слабыми, а руки, которые он запустил под свитер, потными и дрожащими.

– Восторг, – захихикала змея.

– Я убежала. И больше никогда не ходила на его лекции.

– Получила пять автоматом?

– Четыре, – поправила я. – К чему я это говорю, иногда люди любят мысли о чем-то, а не само действие. Иногда я гадаю, как это могло бы быть. И боюсь даже представить, чем будет пахнуть поцелуй Веника.

– Но иногда так хочется проверить, – кивнула Пашка. – Старик поставил артефакт вызова, как скоро хозяин разжует падальщика и выплюнет. Всего лишь из-за мыслей.

– Пошла ты, – повторила я, главным образом потому, что ничего больше в голову не приходило. – Ревнивый демон, звучит, как анекдот.

– А кто говорит о ревности? – удивилась змея. – Он убьет его потому, что... – Она обожала фразу, чуть повернув голову, но на тропинку так никто и не вышел, библиотека оставалась темной.

– Почему?

– Потому что. Хватит трястись, хватит думать, что все кончено. – Пашка вдруг схватила меня за блузку и дернула, удлинившиеся когти проткнули затрепавшую ткань. – Из-за твоего страха у меня клыки растут, и яд вырабатывается в немереных количествах.

– А как же «Костя»? – хрипло спросила я. – Или нелюди готовы выбросить в выгребную яму даже тех, кого любят?

– Сейчас плюну ядом, и завоешь уже по делу. – Явидь отпустила мою блузку. – Я хочу его вернуть, еще раз впиться зубами в плоть и слизать кровь. – Она сглотнула. – Хочу услышать его «змейка», да просто хочу его. Но в отличие от тебя, если ничего не получится, не буду разбивать голову о стену.

– Я тоже не буду. – Я оглянулась, кусты качались от ветра, вряд ли мы были одни, но никто не хотел вмешиваться в дело воспитания человека.

– Не ври. Когда приходит Алиса, ты вспыхиваешь, как лампочка, но потом вспоминаешь, и тебе становится стыдно за радость, что дарит дочь. Скажешь, не так?

– Не скажу. Никогда не спорю с тем, кто сильнее.

– Умная позиция. Так, может, включишь мозги? Потому что из человека ты превратилась в добычу. Ты же так гордилась вашим племенем, вашей чистотой. Давай, отвлекись, сходи к дочери, спроси, есть ли у нее чистые носки и пилка для ногтей.

– Что? – Я выпрямилась.

Пашка засмеялась, моментально почувствовав произошедшую перемену.

– Что ты сказала? – спросила я, стараясь не потерять тот обрывок мысли, за который удалось зацепиться. – Марк еще здесь?

– Даже не сомневайся, справа, в кустах, – указала она и крикнула: – Выходи, мелкий.

Гроздь цветов, похожих на нашу сирень, только в два раза крупнее, закивали головками, выпуская на тропинку осыпанного светлой пылью мальчишку.

– Видел вора? – не успел малец отряхнуться, спросила явидь. – Ты же все время рядом терся.

Разочарование так ярко проступило на его лице, что мне стало ясно – не видел. Пашка чертыхнулась.

– А мальчишек, что баловались с петардами, видел? – спросила я.

Марик кивнул.

– Сможешь узнать, кто надоумил их сделать это именно сегодня и именно у библиотеки?

– Сможет, – ответил звонкий голос, я почувствовала, как неуместная улыбка раздвигает губы.

Марк обернулся, к крыльцу подошла Алиса. Пашка повторно и непечатно высказалась, ей не нравилось, когда к нам подкрадывались незамеченными.

Моя дочь положила руку на плечо разом оробевшего мальчишки и твердо сказала:

– Все выясним.

– Да, – добавил Марк дрогнувшим голосом.

– Это может быть совпадением, – пояснила я. – Выворачивать пальцы не обязательно. Узнайте, где взяли петарды, и кто, если таковой был, подал идею позлить вория.

Алиса показала язык и шутливо отсалютовала мне рукой.

Парень кивнул, не в силах перестать коситься на легенду зимы. Глядя им вслед, я вспоминала слова дочери, сказанные здесь же:

«Я помогаю отцу, и мне это нравится. Нравится притворяться, лгать, подталкивать».

И вот теперь о помощи попросила я, вернее, не просила, но и останавливать не стала.

– Думаешь, не случайность? – спросила Пашка, когда они свернули на ведущую к столовой тропинку.

– Стоит стязательно покинуть логово, как он теряет связь с вещами. – Я пошла вдоль кустов сирени. – Другого способа вынести книги из библиотеки я не вижу. Так что, да, думаю, его выманили.

– Зачем? В книгах действительно что-то есть?

– Возможно. В книге. В одной. У «Хроник эпохи истребления» и «Забытой истории запада» есть копии. А у дневника Тура Бегущего – нет. Если книга не уникальна, то кража лишена смысла.

– Картэн сказал, он жил не в то время.

– Да, но он много ездил, много слышал и видел. Легенды, слухи, страшные сказки на ночь, – я вздохнула. – Это пока единственная надежда, если нам хотят помешать, значит, мы на правильном пути.

Я позволила себе легкую улыбку, потому что страх ослаб, отступил на один шаг. Да, люди такие, они живут, пока думают.

Пашка оскалилась, выпрямила спину и, развернувшись на сто восемьдесят градусов, выжидающе замерла, сложив руки на груди.

– Не думал, что увижу тебя здесь снова, Прасковья, – протянул вышедший спустя минуту на дорожку мужчина. Только он один называл ее так.

Змея зашипела, но как-то тихо, без злости, клыков, когтей и темнеющей на коже чешуи.

– Ты редко утруждаешь себя этим, Угрим. – Она рассматривала ледяного учителя моей дочери, кривя губы от презрения.

Не в первый раз замечаю: там, где прошла легенда зимы, вскоре появлялся ледяной колдун. В светлых глазах мужчины не отражалось ничего: ни радости, ни ненависти. Бывшие любовники. Бывшие враги. Земля детей не пускала сюда тех, чьи сердца полны ненависти. Эти двое не могли быть здесь. И, тем не менее, были.

Угрим едва заметно усмехнулся и картинно похлопал в ладони. Ни один звук не сопровождал этот нарочитый жест.

– Браво, Прасковья, ты сумела обуздать звериные инстинкты.

– С инстинктами все в порядке, просто твоя персона, Угрим, для них обесценилась. – Пашка отвернулась и, подхватив меня под руку, зашагала в сторону.

Мужчина остался стоять, всматриваясь в темные окна библиотеки, по-прежнему оставаясь таким же равнодушно-замороженным.

– Впечатляюще, – пробормотала я. – Ты и в самом деле успокоилась? Или опять лазейка в магии? Как в прошлый раз земля детей впустила тебя в его отсутствие?

– Я даже не знаю, был ли он тогда здесь, – фыркнула явидь, и тихо добавила: – Мне не до ерунды. Угрим не стоит и волоска Кости. Высшие уберегли, и мой Невер не от него, не от горничной Алисы Седой. – Она рассмеялась, только смех вышел совсем уж невеселый.

Мартын не пришел на ужин. Причин этому могло быть множество: от банальной занятости до неприятного похищения с последующим избиением и поеданием неведомыми врагами. В последнее упорно не верилось, потому как в случае реальной опасности контролирующей свое тело целитель мог легко выбросить в кровь порцию адреналина, переключая сердце сразу на пятую скорость. Хранительница придет на помощь любому воспитаннику, стоит тому лишь испугаться. А враги умрут, ну, или, потирая отбитые пятые точки, разбегутся по корпусам зализывать раны и жаловаться на злую охраняющую.

Марик и Алиса так же не появлялись. А вот поджигатели петард на отсутствие аппетита не жаловались, один из них на ходу запихнул в рот бутерброд и выбежал за дверь. В одном из залов, где столы покрыты скатертями, а еду разносят на подносах, сидели две подружки Марта. Брюнетка шмыгала носом и чесала покрасневшие ладони, рыженькая успокаивала. Первая любовь – дело хлопотное, это я по себе знаю.

Но червячок сомнения и тревоги продолжал подтачивать изнутри. Поэтому через десять минут мы стояли перед одноэтажным деревянным домиком. Такому самое место в сказке о трех поросятах, только серого волка по соседству не хватает.

– Уверена? – спросила я Пашку.

– Следы не врут.

Сразу от входной двери начинался широкий коридор с дверьми, что вели в ученические спальни. В той, куда привел нас запах Мартына, никого не было. Лишь голубая в полоску футболка, что была на парне с утра, небрежно валялась на кровати. Обычная комната, не очень большая, но и не маленькая, стенной шкаф с распахнутой дверцей, стол, стопка тетрадей, вечно покачивающийся маятник, рамка с фотографией скудного горного пейзажа, с которой она, похоже, и продавалась. Ни ноутбука, ни планшета. Хотя толку от устройств на земле детей немного, без выхода в интернет они мало чего стоят. В стаканчике от канцелярского набора ни одной ручки, ни одного карандаша. Покрывало на кровати смято.

– Что ж, мы знаем, что он здесь был, – сказала змея.

– Он хотел поговорить с книгочеем. – Я вышла в коридор и громко крикнула. – Алексей!

Просто наудачу. Того, с кем хотел поговорить молодой целитель, могло не быть в комнате, в корпусе, да и вообще, в *fili de terra*.

Несколько секунд в коридоре стояла тишина, а потом Пашка развернулась к двери справа. Створка приоткрылась, и в коридор выглянула вихрастая, неопределенного окраса голова.

– Мартын у тебя? – спросила явидь и, не дав парню открыть рот, нагло протиснулась в чужую комнату.

– Эээ... нет. Пару часов как ушел. – Парень посторонился, пропуская улыбающуюся девушку в комнату.

Длинный, худой, с выступающим вперед носом и подбородком – когда повзрослеет, его лицо станут называть хищным, но пока круглые детские глаза придавали будущему хищнику наивный и растерянный вид.

В комнате книгочей был не один. На кровати, на темно-зеленом покрывале, сидел черт. Круглые копыта, жесткие курчавые волосы, скромные рожки и черные вздернутые губы. В смуглых руках – книга, вернее, тетрадь в желтом кожаном переплете.

Острым шипом кольнуло разочарование. Пропажа найдена, а значит, мои рассуждения перешли в разряд фантазий, и мы снова вернулись к исходной точке.

Пашка вопросами не задавалась, а просто выхватила у студента том и открыла посередине.

– Опять инопись, – простонала явидь и протянула желтый переплет мне.

– Сначала Март, теперь они. – Глаза черта блеснули. – Дураки, ворующие у Картэна, до последнего года, как правило, не доучиваются.

Я раскрыла тетрадь, уже понимая, что книга не та. Другие страницы, другой язык, более светлые чернила, да и рука, выводившая строчки инописи, иная. Сходство, начавшееся обложкой, ей же и заканчивалось, на этой даже уголки не успели засалиться.

– Где Мартын? – спросила Пашка.

– Не знаю, – ответил худощавый парень.

– Ушел. Наверное, в библиотеку, – черт по-детски хихикнул и качнул рогатой головой, – пытал Леху насчет какого-то учебника по истории, а потом убежал.

– Много напытал? – Я протянула тетрадь обратно.

– Без понятия. Если надо, Леха ему любой учебник от корки до корки процитирует. – Нелюдь взял книгу и бросил рядом с собой на кровать.

– Аррко прав, – пожал плечами книгочей. – Мы так и не поняли, что именно Мартын хотел. Ушел недовольный. Книги, как я понял, так и не нашлись?

– Это же глупо, – фыркнул черными губами черт.

Забавно, но он дал происходящему ту же характеристику, что и Мартын. Все это пахло глупостью.

– Сперва кеды, потом рубашка, книги. Прошерстили бы малолеток на предмет созревания, глядишь, нашли бы пропажу под подушкой, как вспомню Лидку, – тихо пробормотал книгочей, когда мы уже повернулись к выходу.

– Стоп. – Я нахмурилась. – Пропадали и другие вещи?

– Да, – ответил худой парень, но как-то уж очень неуверенно.

– У меня ничего не пропадало, – поднял руки Аррко. – Меня не впутывайте.

Я посмотрела на книгочея.

– Ну, у Марта вроде бы кеды сперли.

– Вроде бы, – передразнила змея.

– Да он и сам не знал, сперли или в раздевалке забыл на полигоне.

– Так, – я подошла ближе, – а у тебя ничего не пропадало?

– Рубашка, – отчего-то смутился Леха, – белая. Висела на стуле, а теперь – нет.

– Так, может, ты ее в прачечную сдал, а забрать забыл? – фыркнула Пашка.

По тому, как парень отвернулся, я поняла, что часть правды в ее словах была, и в факте кражи Леха совсем не уверен.

– Может, вы сами сходите и проверите. – Цокнули копыта, черт встал. – Мы не обязаны вам что-то доказывать. Мы можем и хранительницу позвать. Она девка молодая, горячая, сначала бьет, потом разбирается, кто у деток погремушку отнял.

– И вся земля детей через час будет знать, что ты испугался человека, – сказала я, паскудная ухмылка тут же исчезла со смуглой рожи нелюдя.

– Так что там с рубашкой, – явись, как бы невзначай, скользнула вперед, глаза с двойными зрачками смеялись, – и кедами моего пасынка?

– Вы эта... та самая? – смешался книгочей.

– Ага. – Змея оскалила клыки в жутковатой улыбке и напомнила: – Рубашка?

– Я ее Марту одолжил, – быстро ответил высокий. – Он ее вернул. Сказал, что на стул повесил, но когда я пришел, ее не было. – Леха развел руками.

– У него что, своей одежды мало? – спросила Пашка.

– Да нет, – парень отвел глаза, – ему именно белая нужна была, а на свою он как раз пятно поставил.

– Почему именно белая? – удивилась змея. – На похороны? Жертвоприношение?

– Ну, почти. – Леха смутился.

– Тьфу, – сплюнул черт. – Все вам расскажи, непонятливым. С девкой он встречался, ясно? Не в черном же к девственнице идти.

– А девка – это Лили? Черненькая, худенькая, с короткой стрижкой? – продолжала задавать вопросы явись.

– Ага, – кивнул книгочей. – Только никакая она не Лили, а Лидка, просто не любит, когда ее так называют, вот и придумала это «Лили».

Я выдохнула, закрыла глаза, досчитала до пяти и, боясь спугнуть удачу, задала последний вопрос:

– У Марта есть компьютер?

– Есть. Ноут. В комнате на столе стоит, – пожал плечами Аррко.

– Спасибо, – поблагодарила я и вышла.

– Только не трогайте, – донесся в спину голос книгочея. – Он его какой-то гадостью намазал, сыпью покроется, родная мать не узнает.

– Слабак, – простонал черт, и дверь захлопнулась.

Мы вернулись в комнату целителя, чтобы убедиться, что стол по-прежнему пуст.

– Будем искать? – поинтересовалась змея.

– Незачем.

На улице солнце уже успело скрыться за деревьями, и их длинные тени причудливыми полосами легли на землю. Земля детей жила своей жизнью, где-то кричали дети, где-то истошно выл зверь, которого наверняка дергали за хвост. Я завертела головой, пытаюсь сориентироваться.

– Ты знаешь, кто украл книги. – Вопросительных интонаций в голосе Пашки не было.

– Не уверена.

– Не ври. Я слышу это знание в твоих словах, вижу в глазах, чувствую в запахе.

– Как позвать Милу? – вместо ответа спросила я.

– Поймать ученика помельче и ущипнуть. Или наоборот, постарше. Я бы с удовольствием послушала, как верещит тот рогатенький. Давай...

– Не надо, – сказала появившаяся за ее спиной хранительница. – Ограничьтесь простым призывом, на ваш я сегодня откликнусь с удовольствием.

– Охраняющий слышит всех взывающих на своей земле? – Я посмотрела Миле в глаза. – Слышит, но откликается лишь избранным, так?

– Ты позвала меня, чтобы это проверить? – Девушка осталась спокойной. – Я не могу быть везде, иначе буду метаться между порезанным пальцем и неудачно сделанным домашним заданием. Мы играем теми картами, что нам сданы, и не хранители тасуют колоду.

– Давайте вы поплачетесь о нелегкой женской доле попозже, – влезла Пашка. – Как твои поиски среди малышни?

– Никак. Все здоровы и довольны жизнью. Один на грани, сам признался, что стал присматриваться к ложкам в столовой, надо предупредить наставников. Но и только.

– Ольга знает, кто вор.

– Неужели? – Мила подняла брови.

– Только предполагаю. Где логово Лидии? У вас есть убежище для стяжателей? Для тех, в ком проснулись инстинкты? Не в комнаты же они всякий хлам тащат.

– Есть. – Хранительница минуту раздумывала, а потом, развернувшись, пошла по дорожке к юго-западной окраине острова. – Старые ходы норников. Раньше здесь целая колония обитала, пока на зелья не извели, а норы остались. Картэн, как старейший ворий, одобрил их использование. Когда у стяжателей начинается созревание, их на первую декаду помещают... – Она дернула головой. – Впрочем, вам это неинтересно. Это Лидия? Уверена? Она из предвыпускного года и прекрасно контролирует инстинкты. К тому же, стяжатели не воруют друг у друга, они лучше других знают, чем обернется такой поступок.

– Уверена. Почти.

Пашка фыркнула, а я пояснила:

– С нечистью никогда ни в чем нельзя быть уверенной до конца. Но это она. Поверь.

– Верю. – Хранительница ускорила шаги.

– А я – нет. – Пашка скользнула вперед, на ходу меняя человеческий облик на звериный. – Ты в это веришь. Она верит тебе. Сплошной клуб по интересам. Мне требуется что-то посущественней.

– У Лидии созревание.

– Нет, она уже выросла... – Мила замолчала, сделав круглые глаза. – Ах, это созревание.

– Очередной этап взросления, через который проходят все. И я, и ты, и даже ты. – Я указала на растерявшуюся явись. – Она влюблена. В первый, самый прекрасный и одновременно ужасный раз.

– Мартын, – догадалась Пашка.

– Да. Пропали вещи, которых касался парень. Вещи с его запахом: кеды, рубашка, карандаши, ручки, ноутбук. Я видела девочку в столовой, видела ее сжатые кулаки, слезы и сыпь на ладонях.

– Чертеночек сказал, что Мартын смазал игрушку какой-то дрянью. Умный мальчик. – В голосе Пашки слышалась гордость.

Мы миновали ряды корпусов, на сей раз сложенных из красного кирпича, прошли полосу с редкими деревьями и густой изгородью из кустов, напоминающих шиповник и сирень, миновали запертую библиотеку. Я чувствовала приближение переходов, слышала дыхание безвременья, мы подошли вплотную к выходу из *filii de terra*. Но до того, как стежки лягут под ноги и уведут с земли детей, мы должны пройти сквозь череду невысоких курганов, напоминавших основательно заросшие крапивой кротовьи горки. Только вот кроты размером с теленка в обычном мире не водятся. А в нашей тили-мили-трядии – пожалуйста. Будь у нечисти красная книга, норников бы туда занесли, как исчезающий вид. Но пока звери занесены лишь в меню.

Солнце клонилось к закату, и в сгущающихся сумерках округлые лазы смотрелись черными ходами в бездну. Кроличьими норами. По коже поползли мурашки, пришедшее на ум сравнение заставило передернуть плечами.

– Людей всегда пугает тьма, почему? – спросила Пашка. – То, что происходит при свете, не лучше того, что скрывает ночь.

– Может быть, – Мила пожалала плечами, – неизвестность, таящаяся во мраке, страшит больше, чем волк, поедающий девочку под полуденным солнцем, – Хранительница остановилась у третьего по счету кургана, – но монстры в этой темноте еще маленькие.

– Они достаточно взрослые, чтобы любить, – я подошла ближе, – и совершать поступки, – и сунула голову в лаз, вглядываясь в черноту. – Драконы похищают не только вещи, но и прекрасных принцесс.

– Ты хочешь сказать, что Мартын там? – не поверила Пашка.

– Как и пропавшие книги. – Я выпрямилась и приглашающе взмахнула рукой.

Для человека тьма оставалась тьмой, а свет – светом.

Пашка хмыкнула и скользнула в нору первой, я второй, слыша за спиной тихие шаги Хранительницы. В туннеле можно было стоять во весь рост, норник – зверь немаленький. Пол устилала сухие листья и мертвые насекомые. Ход шел под уклон. Рассеянный свет экрана телефона придавал земляным стенам синеватый оттенок. Ни явись, ни Мила в освещении не нуждались.

– И что, любой вот так запросто может зайти в логово собирателя? – удивилась змея в темноте.

– Не любой и не запросто, – ответила идущая впереди Мила. – Проблемы со стяжателями не нужны никому. Бывает, новенькие пошаливают, вход камнями завалят или стащат и спрячут что-нибудь вроде старой корзинки из-под фруктов. Как правило, после визита невменяемого вория остывают даже самые горячие головы. Мы не делаем из этих нор тайны. Временные логова, и сокровищ там нет, стяжателям еще предстоит обустроить настоящие. Мы учим детей жить бок о бок с разными созданиями. И если цена усвоенного урока – пара опаленных бровей и ресниц, то так тому и быть, я вмешиваться не буду.

Ничто не мешало хранительнице перенестись вглубь, но по каким-то своим соображениям, она предпочла неспешные шаги в нашем сопровождении. Причину этого я поняла, только спустившись в пещеру. Логово походило на приземистый купол с осыпающимися стенами и земляным полом. Лида была еще слишком мала, чтобы превратить свое убежище во что-то более уютное и пригодное для жилья.

У каждого из нас в детстве была шкатулка с сокровищами. Пусть она выглядела, как картонная коробка. А внутри – фантики, цветные мелки, ракушка, привезенная кем-то из знако-

мых с моря, баночка из-под гуталина, которой играли в классики, или крышечки от пузырьков. Это все равно были сокровища. Наши сокровища. Шкатулка Лидии была побольше, но хлам она собирала такой же – никому не нужный.

Тусклый свет экрана выхватывал из темноты очертания странных предметов, вызывая тягучее тоскливое чувство потери. Я скучала по моему чердаку и бабке, с горящими глазами самозабвенно роящейся в хламе. Синий свет отразился от кожаной обшивки треснувшего футбольного мяча. Рядом деревянный стул с выбитым сиденьем; какие-то картинки или открытки, устилающие цветными пятнами земляной пол; каменная урна, которой место в сквере у лавочки; деревянная бочка с неизвестным содержимым – у меня в такой бабушка капусту квасила; ящик из-под бутылок; и еще бог знает, что.

У стены старая раскладушка, состоящая из полых алюминиевых трубок и куска ткани, натянутого меж ними. А на ней...

Непонятные шорохи и вздохи крались по стенам, заставляя приглядеться внимательнее.

– Мы не вовремя. Прекрасная принцесса хочет еще немного побыть в плену. – Явидь хихикнула.

Света как раз хватило, чтобы разглядеть переплетение обнаженных тел. Мужского и женского. Я торопливо погасила экран.

– Вот и наша пропажа, – провозгласила змея и сунула мне в руки увесистые книги, вернее, то, что на ощупь на них походило.

Протяжный женский вздох удовлетворения был ей ответом.

– Одевайтесь и выходите, – скомандовала Хранительница.

Обратный путь показался намного короче, следуя за Милой, я механически переставляла ноги. В голове набатом билась мысль: если такое вытворяют подростки в шестнадцать-семнадцать лет, то у меня осталось года три-четыре, прежде чем Алиса... Стоп, вот об этом я думать не хочу.

Тут бесполезно патетично восклицать, что я в эти годы еще носила школьную форму, заплетала ленточки в косички и думала, что детей находят в капусте. Кирилл быстро устранил пробелы в моем образовании. Я была старше Лидии года на три, а на руках уже кричал увесистый сверток. Так что нечего разыгрывать из себя принцессу. Собственные годы вдруг обрушились на плечи невероятной тяжестью. Как мало времени осталось, прежде чем моя девочка вырастет. И как много его еще впереди. Чем я его заполню? Вышиванием или собиранием фарфоровых статуэток? А может, бездомными кошками?

Сумерки, в отличие от тьмы хода, показались мне ярче солнечного дня. Стяжатель молча стоял у насыпи черной жирной земли. Блеснули теплым малиновым светом нечеловеческие глаза. Картэн не делал попытки приблизиться или войти. Без особой надобности стяжатели не нарушали границ личного пространства друг друга. Взрослые и состоявшиеся стяжатели, а не подростки, переживающие непростые этапы взросления. Им еще много предстояло узнать о своем виде, теле и способностях.

Ворий протянул руку, и я вложила в нее найденные тома. Собиратель втянул запах потертых переплетов и потребовал:

– Тетрадь Тура?

– Там были только учебники. – Пашка пожала чешуйчатыми плечами.

– Потому что только их я и взяла. – Мила посторонилась, и из темного лаза показалась Лидия, короткие волосы стояли дыбом. – Простите, но они так пахли... – Она опустила голову перед хранителем библиотеки.

Из норы выбрался молодой целитель, облаченный лишь в синие джинсы и блестящие кольца наручников на левом запястье в качестве модного в этом сезоне аксессуара.

– Зачем мне её книжка? – сморщила нос Лили, кивнув в мою сторону.

– Она моя, – рыкнул ворий.

– Девочка, а ты уверена, что не взяла ее, чтобы прижимать к телу долгими одинокими вечерами? – спросила змея.

Молодая стяжательница зарычала. На ней была наверняка та самая белая рубашка сокурсника Мартына. Полы доходили до середины стройных бедер, длинные рукава натянуты на покрасневшие ладони, с которых уже начала слезать кожа.

Целитель не мог воздействовать на неживую материю, но даже будь это иначе, магия и механизмы плохо сосуществуют. Другое дело мазь с чесоточным порошком или вытяжкой из ядовитого плюща. Воришке пришлось пережить несколько неприятных минут.

Мартын взял узкую ладошку девушки, глаза зажглись яркой зеленью, отмершая кожа опала, обнажив новый розовый слой.

– Девочка слышала, что ты уезжаешь, и сорвалась, – продолжала ухмыляться Пашка.

– Да, – дернулась Лили. – Уезжаешь до шабаша! Сам пригласил, а потом решил сбежать. – Она топнула голой ногой.

– Не продуманная кража, а порыв. Кеды, рубашка, в которой он был, когда вы в первый раз... – я не сдержала улыбку, хотя совсем не хотела смеяться над девушкой, – когда ты сама сняла ее с него. Книги, ноутбук, ручки из стаканчика. Ничего не забыла? – Лида отвернулась и уткнулась в обнаженное плечо молодого целителя. – Вот почему это так походило на глупость. Но дневник Тура она не брала. Понимаете?

– Нет, – ответила за всех Мила.

– Кража бесполезна, если украденное не уникально.

– Мы вернулись к тому, с чего начали, – первым понял Мартын. – Кто-то не хочет, чтобы мы прочли эту книгу.

– Кто? – спросила Пашка.

– Я бы тоже не отказался узнать. – Ворий взвесил книги и позвал: – Лидия!

Девушка вздрогнула и еще сильнее прижалась к целителю.

– Определяю тебе наказание: две декады отработки во благо моего логова. И они начинаются прямо сейчас.

Солнце село, остров детей освещали многочисленные окна не менее многочисленных корпусов. Хранительница и ворий ушли, деликатно оставив нас наедине с проблемами. Лили уходить не хотела, но стяжатель – не тот, кому можно возражать.

– Вы же начали ее читать, – расхаживал взад-вперед перед кротовьей норой так и не удосужившийся одеться Мартын, – ну, вспоминайте.

Я пыталась, в памяти остались какие-то обрывки, подчеркнутые фразы. Дневник из-под пера Тура Бегущего вышел на удивление нудным.

«Проснулся. Поел. Попил. Продвинулся на тысячу шагов. Нашел следы, следовал по ним до разлома. Никого не встретил. Лег спать».

Одно и то же каждый день, с небольшими отклонениями. Пару раз он принимался странно рассуждать о цели поисков, доспехе, судьбе, душах и демонах. А потом снова шел, ел, пил, срал, вернее, спал. Если что и было в этой книге, то я либо не поняла, либо еще не дочитала.

Пашка развернулась, вглядываясь во тьму.

– Наш молчаливый помощник вернулся на пост. – Собравшийся кольцом хвост расслабился.

На тропинку вышел Марик. Я с надеждой вгляделась в темноту за его спиной, но она осталась неподвижной. Алиса не пришла.

– Узнал что-нибудь? – спросила я, безуспешно стараясь скрыть разочарование.

– Ставр, Гринька, Митька и Жик отобрали петарды у одного из новеньких, – отчитался парень.

– Неделю назад был новый набор платников, – пояснил Мартын.

Понятное дело, бесплатников никто не набирает, они приходят сами и в любое время года.

– Пацанам понравилось, он так потешно отбивался, просил не поджигать петарды у библиотеки. – Сын падалыщика почесал нос. – Плакал, что его накажут.

– «Делай, что хочешь, только не бросай в терновый куст», – процитировала Пашка, немало меня этим удивив.

Мартын положил руки на плечи пацану и, заглядывая в лицо, проникновенно спросил:

– Узнаешь его? Или те парни укажут? Принявших первый год обучения чуть больше двух десятков, найти его не так уж и сложно, исключить девочек и тех, кто...

– Да зачем? – высвободился Марик. – Мы его уже нашли.

– Мы? – переспросила я.

– Легенда зимы у корпуса осталась, чтобы не сбежал, а я за вами. – Он снова почесал нос. – Она тоже эту фразу про куст сказала. Выходит, он специально подал им идею?

– Так, – явидь оскалила клыки, – если и вправду выйдет что-то путное, добуду твоему папаше новый глаз.

Все постройки в *filii de terra* расположены по кругу. Учебные корпуса, полигоны – ближе к центру, жилые – к окраинам. И там, и там встречаются хозяйственные постройки, будки, хранилища инвентаря, столовая на севере, библиотека на юге, дом целителей на западе, там же и корпуса, куда расселили принявших первый год обучения. Возможно, чтобы далеко за подорожником и коньяком не бегать.

Двухэтажные, сложенные из серых блоков корпуса напоминали общежития, что строил завод ЯЗТА для своих работников во времена моей юности. Такие же монотонно ровные и лаконичные, как изделия из конструктора. В окнах горел свет, хлопали двери, раздавались крики и топот ног по коридору.

Кто-то скоро ляжет спать, кто-то, наоборот, убежит на ночные занятия, кто-то решит перекусить и сыграть злую шутку с соседом. Земля детей была отражением нашей тили-мили-трляндии, где ночь – сложное время и для бодрствующих, и для спящих.

Дочь сидела на нижней ветке дерева, напоминавшего березу. Корявую и склонившую ветки к земле. С толстого ствола неопрятной бахромой свисали лохмотья подранной беловатой с прожилками коры. Легенда зимы совершенно по-детски болтала ногами. Здесь и сейчас она все еще оставалась ребенком. Я почувствовала, как тугой узел, скрутившийся внутри, ослаб.

Алиса без слов указала на дальнейшее с торца окно, прикрытое розовыми занавесками, и прыгнула – полное мягкой нечеловеческой грации движение, на миг приоткрывшее завесу будущего, показавшее, какой девушкой она скоро станет. А может, фантазия, зацепившись за болную тему, сыграла со мной злую шутку.

Явидь знаком приказала детям оставаться на месте. Алиса скорчила недовольную мордочку. Но когда собравшийся возмутиться Марик открыл рот, она любезно прикрыла его ладонью, не дав произнести ни звука, чем напугала мальчишку до дрожи.

Общежития для учеников были организованы по одному принципу – коридоры с кучей фанерных дверей, из-за некоторых слышалась музыка, иногда смех, из-за других – заунывные песнопения, то ли духов вызывали, то ли по дому скучали. Первогодки – это не степенные и переполненные собственной значимостью выпускники, новички – это шум, гам, каверзы.

Но за нужной нам дверью царил тишина. Пашка вошла, не церемонясь и не задумываясь о том, как может истолковать ребенок ночной визит нелюдя, полуголого целителя и человека.

Безликая необжитая комната: кровать, стол, стул, стенной шкаф. Ни личных вещей, ни раскиданной одежды, ни грязной обуви. Единственный яркий предмет – желтая тетрадь, лежавшая на краешке полированного стола. Пацан, сидевший на матрасе, даже не повернул головы.

– Вот она. – Змея схватила потертый дневник, раскрыла и удовлетворенно рыкнула.

– Я вас ждал. – Пацан поднял на нас черные, как колодцы, глаза.

– Зачем? – Молодой целитель, прищурившись, присматривался к мальчишке.

Было что-то неправильное в его позе, или в спокойствии, с которым он смотрел, а может, в нем самом, но понять, что именно, я все никак не могла. Дети в таком возрасте похожи на гибрид вечного двигателя и радио. Они не сидят неподвижно, ожидая наказания.

– Не имеет значения, – ровно ответил ребенок. – Вы получили, что хотели. Вернее, так думаете.

Пашка зашипела.

– А ты думаешь по-другому. Читал? – спросил целитель, указывая на тетрадь.

Мальчишка кивнул.

– Ты знаешь, что мы ищем? Там оно есть?

Два кивка подряд.

– Сто двадцать седьмая и сто тридцатая страница, – ребенок был лаконичен и совсем не испуган.

Я раскрыла желтый переплет, перелистнула потемневшие от времени страницы и пробежала глазами по сухому тексту.

Каждая запись была пронумерована странными значками-закорючками, мало похожими на цифры. Тур Бегущий пользовался другим календарем, но строки, слава святым, были вполне читаемы.

«Низошел по склону Сосновой, две тыщи шагов по ополью к западыне. Зверье схоронилось. Чую недалеко обиталище. Сызнава полтыщи шагов. Угольный чад и кровушка. Первая хата чрез сотню. Северная стежка – Вепрева пустошь на двадцать дворов. Остался на ночь».

«Потолковал со старостой. Никоих следов ушедших тута сродясь не выдавши. Остался на ночь».

Я посмотрела на ожидающих мальчика и целителя, на явиль, постукивающую по полу кончиком хвоста, и вернулась к книге. Три страницы вперед. Сто тридцатая страница была не менее захватывающая.

«Подумавши, решил вертаться на тропу Висельника тем же ладом. До второй тыщи не доспел, поворотил севернее по следам вломной клажи. Третьего дня катили подводы. Семена, шерсть, железо. Шел вдогон, к полудню вышел к стежке Подгорной. Восточники. У старосты лыба, печёночный борканник, тесак за пазухой. Глянулось. Остался на ночь»

Следующая запись тем же днем без номера.

«Гвоздарь говорил, артефакты поверх кручи возят. Железо было, и доспех, и оружие, и кости. Подчас гнусь какую. Истекшей ночью у целительницы кровь свернулась, и настои в плесень ушли, солонина пожухла, как и грязь на дороге. Нехорошая была ночь, деревья шагнули вперед, у мальцов когти повыскакивали, балакают, видели в округе блаженного, но кто, когда и где – неясственно. Решил уразуметь».

И строчкой ниже:

«Не уразумел. Бабские байки. Воротился на тропу Висельника. Подъем к востоку. Хладный ветер, утешился овечьей верюгой».

Сразу видно, как весело проводили время на заре тихой эпохи, особенно порадовало «утешение от овечьей верюги».

– Не понимаю. – Я покачала головой, ничего крамольного при всем желании из текста не выжмешь.

– И не поймешь, – ответил мальчик.

– Хватит строить умника, – рявкнула Пашка. – Станешь книгочеем – тогда и нос задирай, а сейчас как бы не укоротили.

– Он не книгочей, – сказал Мартын. – Он визирг.

Вот что казалось мне таким неправильным в этом ребенке – он не вел себя, как ребенок, не сидел, как ребенок, не говорил, как ребенок. Душа человека, получившая шанс прожить еще одну жизнь в маленьком беззащитном теле. И не просто человека, а очень и очень умного человека.

– Расскажите нам, – попросил молодой целитель, сразу переходя на «вы».

Атмосфера в комнате изменилась. Пришедшие приструнить хулигана взрослые превратились в просителей.

– Расскажу. – Черные глаза мигнули. – В обмен на услугу.

– Какую? – Змея, как и любая другая нечисть, не любила быть обязанной.

– Смертельную. – Парень сжал кулаки. – Вы должны убить меня.

– Ищи дураков, – разозлилась Пашка, хвост в очередной раз поднялся и, подрагивая, замер, прерывая монотонный перестук по доскам пола. – Схватиться с хранительницей и уйти следом? Я – пас. Вон, иди башку о стену разбей, или с крыши спрыгни.

– Охраняющая не придет, – холод собственных слов царапал горло. – *Filii de terra* не видит своих подопечных, магия острова читает вот здесь. – Я дотронулась пальцем до виска. – Здесь, в голове, визирг более чем взрослый.

– Верно. Я прошел сюда с группой. Земля детей не открылась бы перед визиргом, – мальчишка вздохнул. – Я прожил хорошую жизнь, похоронил жену, а потом мои дети похоронили меня. Этого, – он указал на свою грудь, – не просил, не искал правды о мире, о пределах и стежках. Мне не нужна вечность в теле ребенка, который никогда не вырастет. Мне не нужен второй шанс, у меня все получилось с первого. – Мальчик встал и посмотрел снизу вверх на змею. – Неважно, как это будет: яд нелюдя или магия целителя. Хранительница не придет на зов, даже если вы разматаете мои кишки по комнате. Сделка. Смерть за информацию. – Мальчишка протянул руку Мартыну.

Я знала, что мы должны отказаться. Знала, но промолчала. Я могла понять желание уйти из нашей тили-мили-трюнды, уйти дальше вслед за теми, кого уже не вернуть, а не остаться навсегда ребенком.

Тело, в которое вселяют чужую душу, теряет способность к развитию и не подвержено изменениям. Этот мальчик никогда не вырастет, никогда не постареет и никогда не умрет. Его убьют. Может, через день, а может, через века. Визирг просто предлагает сократить этот срок.

Но понимать – это одно, а принять – совсем другое, особенно, если речь идет о смерти. Человек внутри меня это знал. Но молчал.

– Информацию за смерть. – Молодой целитель пожал детскую ладошку. – Сделка.

Мальчишка облегченно выдохнул. Впервые с того момента, как мы вошли, на бесстрастном детском лице появились эмоции, и губы чуть раздвинулись в улыбке.

– Информация, – сразу стал выполнять свою часть обязательств визирг. – Тур Бегущий исходил Бурый или, как говорят люди, Уральский хребет вдоль и поперек, иногда спускался на равнины. Здесь описан один случай из многих. – Тонкая рука указала на дневник. – Две стёжки у подножия Сосновой. Вепрева пустошь – глухой угол на двадцать дворов, где «никоих следов ушедших тута сродясь не выдавши». И перевалочный пункт восточников, через который везут товары – «вломную клажу». Большая и маленькая стежки. Так почему Тур, спустившись с гор, прошел мимо широкого Подгорного к махонькой Пустоши?

– Восточная стёжка чуть в стороне, – пожал плечами Мартын.

– Ответ неверен, – строго сказал визирг. – Тур спустился, заночевал в Пустоши и вернулся по своим следам: «Подумавши, решил вертаться на тропу Висельника тем же ладом».

А там, здравствуй, низшие, еще одна стежка, которую он умудрился не заметить, когда шел в первый раз. Подвий, что шел с закрытыми глазами?

– Он не знал, что там стежка. Может, не видел, не чувствовал, или не обратил внимания, – предположила я. – Тысячи шагов, легко пройти мимо.

– Ответ неверен, – повторил мальчик.

– Человек мог, но не нечистый, – фыркнула явидь. – Мы никогда не проходим мимо. Он нашел пустошь, но не смог унюхать более шумный и пахучий Подгорный? Бред.

– Следы, – дошло до меня. – Когда он шел в Пустошь, следов груза – «вломной клажи» – не было.

– А когда возвращался, были, оставленные «третьего дня». Но он провел на северной стёжке меньше двух суток. Как такое может быть? – удивилась змея.

– Очень просто, – ответил визирг. – Когда он шел туда, ни следов, ни стёжки в нашем мире не было.

– «Нехорошая была ночь», – пробормотал молодой целитель, забирая у меня книжку. – Свернувшаяся кровь, плесень в зельях, шагнувшие вперед деревья... Это не лес сдвинулся, это безвременье.

– Когти не выскакивают сами по себе, – добавила явидь. – Детей что-то напугало, что-то заставило их защищаться, пусть это было во сне.

– Еще они могли вырасти, – сказал мальчик. – Сколько времени отсутствовала стежка в нашем времени? А сколько прошло там, где они оказались? Кто знает.

– Нехорошая ночь, – повторил целитель. – Но не было ни слухов, ни разговоров?

– Точно. И не будет. – Мальчик по-взрослому расправил плечи. – Мой хозяин велел уничтожить даже, – он указал на журнал, – упоминания.

– Хозяин? – переспросила Пашка.

– Не сам же я здесь появился, – визирг поджал губы.

А я подумала: раз исчезла стежка восточников, значит, Простой играл с одним из артефактов ушедших.

– Не думаю, что вам надо знать подробности, – добавил взрослый, запертый в тело мальчика.

– Согласна, – кивнула явидь.

– Информация за смерть, моя часть сделки выполнена!

Я вздрогнула, ощутив на плечах тяжесть решения, с которым молчаливо согласилась.

– Ольга, выйди, – скомандовала змея.

Я знала: мне не остановить то, что должно произойти. И это знание требовало присутствия в этой комнате здесь и сейчас. Надо перестать прятать голову в песок. Остаться и посмотреть, как убьют ребенка, кого-то, кто выглядел, как ребенок. Но необходимость и желание редко идут рука об руку. Перспектива увидеть эту смерть привела меня в ужас. Явидь поняла это раньше всех. Поняла и отдала приказ, позволяя человеку еще раз отвернуться.

Я вышла, давая себе слово, что этот раз будет последним, что в следующий раз буду смотреть в лицо смерти наравне со всеми. Но в этот момент гордиться тем, что моя кровь чиста, не получалось.

Дети стояли там же, что и несколько минут назад, у корявого ствола березы. Алиса вытянулась в струнку, тело чуть подрагивало, ноздри трепетали, втягивая прохладный ночной воздух. Легенда зимы чувствовала прошедшую в двух шагах смерть.

– Это был визирг, – не удержалась от упрека я.

Кровь демона не могла не опознать чужую душу в детском теле хотя бы потому, что всегда видела суть вещей, а не их обертку.

– Вы сами велели нам не лезть. – Прозрачные глаза дочери сверкнули.

Справедливо, но я не уверена, что мне нравится такая справедливость.

– И еще не раз велим. – Из распахнутых дверей корпуса выскользнула Пашка.

– Где книга? – спросил Марк.

– Визиргу велели ее уничтожить, – ушел от ответа вышедший следом целитель. Не вранье, но и не правда. Нечисть в совершенстве владеет мастерством недосказанности. Алиса сморщила носик, Мартын вроде и не лгал, но слишком уж выразительно оттопыривался задний карман его брюк, слишком яркой была желтая обложка.

Убийство много времени не заняло, и за это я была благодарна. Кто бы мог подумать, что наступит день, когда я скажу спасибо за смерть ребенка.

– Значит, вы ничего не узнали? – Сына падальщика волновал результат, та ниточка, которая могла вернуть отца.

– Нет, – на этот раз молодой целитель ответил честно, – но мы идем туда, где можем узнать. – Видя, как сверкнули безумной надеждой карие глаза, добавил: – Мы идем, а вы оста-
етесь.

– Но... – Мальчишка дернулся.

– Предлагаю сделку, – Мартын с серьезным видом склонился к Марку, – я постараюсь вернуть наших отцов, а ты сохранишь то, что мы здесь оставим.

Парень захлопал глазами.

– Я оставляю здесь брата. Очень маленького беззащитного брата. Она, – кивок на змею, – сына. Ольга – дочь.

– Ага, – подтвердила легенда зимы, – очень маленькую и беззащитную дочь. – Алиса выставила палец и полюбовалась на коготок. – Кстати, мама, носки у меня есть, а вот пилочка не помешает.

Я даже не стала укорять ее за подслушивание, бесполезно и как-то глупо. Чувство неловкости серой мышью заскреблось внутри. Моя дочь слышала, что Пашка говорила о Венике. И обо мне. Я не знала, как относиться к тем словам, и не могла представить, как отнеслась Алиса. Но, судя по улыбке, шокировать легенду зимы не удалось. Она не я. И слава Святым.

– Присмотри за ними, – словно не слыша Алису, продолжал Мартын и протянул Марку ладонь. – Сделка?

Мальчишка подумал и пожал руку целителя.

– Сделка.

Больше всего это походило на договор о намерениях, которые так любят заключать политики. Вроде все правильно, и в душе отклик находит, но исполнять никто не собирается. Одно слово «постараюсь» сводило на нет любые обязательства. Но сын Веника был еще слишком мал, чтобы понимать, насколько сильными могут быть не данные обещания.

– Я сейчас расплачусь, – нарушила торжественность момента Пашка. – Тебе не целителем, а вожатым в лагере для умственно отсталых детей работать.

2. Братья по артефакту

Я мало где бывала, мало путешествовала. Ездила в детские лагеря, но не дальше границы области, маме так и не удалось выбить нам путевку в легендарный Артек. Куда еще? Дом отдыха, пара экскурсий в Москву, к бабушке на Климовские карьеры, к брату в Переславль, тогда он еще работал, не пил и был жив. К сестре на другой континент не выбралась ни разу, не успела, ушла на стезжку. То время, вроде бы обычное, человеческое, сейчас вспоминалось с теплом. Тогда я знала, кто я.

До Вепревой пустоши добирались верхом, по нашей тили-мили-трындии не проложено железных дорог, как, впрочем, и никаких других. Вагон покачивался в такт перестуку колес, рельсы убегали вперед, иногда встречаясь с другими, иногда расходясь в разные стороны. Транссибирская магистраль, как свидетельствовал буклет, выданный в окошке кассы вместе с билетами, и который так и не поднялась рука выбросить, уходила на восток. Северный путь, как его еще называли (поживешь на стезжке, поневоле начнешь обращать внимания на такие обозначения), проходил через Москву, Ярославль, Данилов...

Я и забыла, каким успокаивающим может быть перестук колес и каким настойчивым многоголосый гомон продавцов беляшей, шариковых ручек и кроссвордов, которые вытеснили газеты. Мне вспоминались «Северный край», «Советский спорт», что всегда покупали серьезные дядьки в кепках и разворачивали, сидя на жестких сиденьях электричек.

Галич, Нея, Шарья...

Почти сутки до Екатеринбурга, города, в голове той, что перепрыгнула несколько десятилетий, оставшегося по-прежнему Свердловском. Я так и сказала кассирше, покупая билеты, вызвав пару смешков за спиной и назидательную, но, к счастью, краткую тираду женщины. В сущности, она права. Слова человека не причинили боли, за ними не последовал рык и удар, приятное разнообразие.

Мы выкупили купе, и явидь проспала всю дорогу на верхней полке, открыв глаза лишь дважды. Первый, когда к нам заглянула проводница с парой дежурных вопросов про белье и чай. Второй, когда я, обеспокоенная ее неподвижностью, встала и подняла руку, но коснуться матраса не успела.

– Оставь, – сказал Мартын. – Она в спячке.

– Вижу, что спит. – Распахнувшиеся медные глаза, в которых не было ни грана осмысленности, закрылись.

– Я сказал – в спячке. – Парень поднял голову от ноутбука. – Восстанавливает силы, неизвестно, с чем придется столкнуться.

Глазов, Балезино, Первоуральск...

Города сменяли друг друга за окном, как хорошо сохранившиеся фотокарточки. Чем-то неуловимо похожие друг на друга здания вокзалов. Светлые стены, зачастую – колонны, и обязательно часы, большие и круглые, которые наверняка оглушительно тикали, если бы висели в помещении.

Я пялилась на серую хмарь за окном, считая верстовые столбы, и думала. Раньше я так далеко от дома не забиралась. Ни в прошлой жизни, ни в нынешней.

– Ольга, – потряс меня за плечо молодой целитель. – Слушайте...

Я захлопала ресницами, понимая, что умудрилась заснуть сидя за столом, положив голову на руки. Небо за окном уже успело расцвести блеклыми красками зари, темные верхушки елей напоминали упирающиеся в небо пики.

– Послушайте. – У парня в руках был так и «не найденный» желтый дневник Тура Бегущего. Библиотека земли детей закрылась на неопределенное время. Я почему-то думала, что

стяжатель последует за нами, вернее, за книгой, но Пашка и Мартын только пожимали плечами, как бы говоря: вот когда последует, тогда и будем думать.

– Почему ты обращаешься ко мне на «вы»? – Я потеряла глаза. – Собственно, ты один так делаешь.

– Вы же – мать легенды зимы. – Он говорил это, как само собой разумеющееся. – Человеческая игрушка хозяина.

– Впервые слышу, чтобы слово «игрушка» произносили без пренебрежения. Давай на «ты», вроде вырос уже.

– Мне все равно, – отмахнулся парень, – лучше слушай. – И раскрыл дневник и нараспев прочитал: – Аже роздать душу демосу и заяти в долонь налокотыню павшего, ведати алафу велицею, али Навь кликнуть.

– «Роздать душу деймосу»? – Я зевнула. – Тур был заложником?

– Не уверен, прямо он об этом не говорит, только рассуждает, пока ищет свой налокотник – «налокотыню павшего», чтобы получить великую «алафу». Награду?

– Или сдохнуть, – вспомнила я слова о Нави. – И как это нам поможет?

– Пока не знаю.

– Тогда я еще посплю?

– Не стоит, через полчаса прибываем.

За его спиной с верхней полки бесшумно прыгнула Пашка.

Сутки в поезде и два с половиной часа в нашей тили-мили-трэндии. Время – штука странная. Люди – разгоняющие нашего мира, у них оно несется так, что иногда становится страшно, зато в глубине время концентрируется, сгущается, как сироп, и способно вместить в один день с десятков человеческих. Так мы и отстаем, так и теряемся, когда за три года проходит три десятка лет, и эра черно-белого телевидения сменяется цифровой, а люди начинают говорить так, словно выучили другой язык.

Екатеринбурга я толком не увидела. Это беда всех путешественников, которые чаще запоминают залы ожидания и электронные табло, чем парки и храмы.

Мудрить не стали, взяли на вокзале частника, согласившегося отвезти нас в Пустошь. Вернее, в точку на карте, что Март указал высокому мужчине, водившему совсем невысокую Ладу.

Города бывают разными, ажурными и тяжелыми, открытыми и похожими на лабиринт. Первый эпитет, который пришел на ум, пока я разглядывала широкие улицы и светлые здания сквозь автомобильное стекло, это основательный. Не знаю уж, почему.

– Уверен, что переход там? – спросила вполголоса Явидь. – Откуда ты вообще знаешь?

– Прогуглил, – усмехнулся Март, указывая на ноутбук, змея в ответ фыркнула. – Почти правда, – парень повернулся с переднего сиденья, – восточный Подгорный внесен в реестр стежек, и все, что рядом – тоже. Парни стараются, скоро все оцифруют.

Я позволила себе легкую улыбку, безуспешно пытаюсь скрыть недоверие. Да, я научилась пользоваться техникой, компьютерами и интернетом, но не научилась доверять им. Каждый раз, заглядывая в экран планшета, я ожидала, что информация исчезнет, тот очередной кусок знаний, который смогло отгрызть новое поколение нечисти.

Водитель запросил за вояж хорошую, завышенную, как минимум, вдвое цену. Я бы на его месте, собираясь отвезти трех чудиков неизвестно куда, точно бы завысила, но потом, подумав, еще и умножила бы на три. А когда привезла на место и получила отрицательный ответ на вопрос об ожидании, как и он, быстренько бы уехала, оставив ненормальных мерзнуть на ветру.

Вепрева пустошь встретила нас промозглым дождем и бурными, разжиревшими от талой воды, ручьями, сходящими со склонов. Если на равнине весна уже согрела землю теплом, пробуждая деревья и мелкое зверье, то здесь, в предгорьях Урала, еще только сошел снег.

Вокруг, насколько хватало глаз, простирались холмы; пологие склоны, поросшие лесом, начинались сразу за нашими спинами и шли до самого горизонта. И ни одного поселения. В обычном мире Вепревой пустоши не существовало.

Хотя чуть более трехсот лет назад по внешнему кругу Пустошь была вписана в церковные ведомости людей, но до строительства прихода дело не дошло. Просуществовав менее сезона по внутреннему кругу, поселение исчезло, будто бы выкошенное чумой. Так ли это на самом деле, проверять не стали.

Но Пустошь все еще была там внизу, в глубине мира.

Тропа, уходившая в неглубокий заполненный туманом овраг, начиналась метрах в пятидесяти от того места, где нас высадил водила. На вид обычная тропа, спускающаяся в обычный овраг и почти сразу поднимающаяся, сколько таких на просторах страны, и не сосчитать. Только есть тропы, на которые лучше не вставать, лучше повернуть назад. Вспомнив, что не выключил дома утюг, не запер дверь, не налил коту молока... Что угодно лучше, чем пройти по стежке до конца.

По ногам пополз холод, в животе привычно натянулась тревожная струна ожидания. В голове поселился шепот чужих мыслей, которые так легко принять за собственные и побежать, куда глаза глядят, или еще дальше.

Я шла сразу за молодым целителем, замыкала цепочку из трех человек бесшумная явидь. На спине парня подпрыгивал черный рюкзак. На нем я и сосредоточилась. На рельефных швах, на грубой плотной ткани, на чуть поблескивающих молниях. Смотрела и не позволяла головам приблизиться. А они говорили, уговаривали, угрожали. Но идти, видя перед собой спину Мартына, и знать, что позади неслышно скользит Пашка, гораздо проще, чем в одиночку. Мои спутники крепче людей, они не дадут мне сойти со стежки и броситься в безвременье. Это знание, эта уверенность вели за собой не хуже поводка. Я знала, что пройду.

Переход остался за спиной в считанные минуты, пугающие голоса в голове затихли, дурацкие мысли развеялись, как исчезает поутру кошмар, и, оглядываясь назад, ты не понимаешь, почему хотел убежать, закричать и проснуться.

В нашей тили-мили-трядии холодная изморось превратилась в монотонную стену дождя. Первый дом виднелся сквозь нее размытым пятном, где-то вдалеке раздавался тоскливый вой. До троих незнакомцев, бредущих по стежке, ее жителям не было никакого дела. Мы прошли из одного конца села в другой, не встретив ни одной живой или мертвой души. Лишь дома, наполняющиеся водой из стоков бочки, немытые стекла окон и грязь под ногами, где-то в стороне на ветру монотонно скрипела калитка. Начало даже закрадываться нехорошее предчувствие, но, как оказалось, жители никуда не ушли. Они собрались в одном месте на северной околице села.

Собрались по достойному поводу. Чуть в стороне от дороги, где заканчивалась ломаная линия домов, начинался выложенный золой и солью круг – лобное место с потемневшим от крови каменным алтарем.

Ни один из жителей не остался дома, ни один не решился переступить соляную черту. Ни один, кроме палача и его жертвы. Очередной вой, от которого все внутри перевернулось, спугнул одинокую ворону, в небе захлопали черные крылья.

Жертвоприношение или казнь? Отличия были существенными. В том, что ты жертва, твоей вины не было, и в идеале выбором низших надлежало гордиться. Но жизнь, как правило, далека от идеальной. На деле на алтарях ничего достойного не происходило.

Мартын растолкал нестройный ряд нелюдей и вышел к соляному кругу. Никто даже не подумал обернуться. Все, как загипнотизированные, смотрели на происходящее действо. Даже я, замершая за спиной целителя, не смогла оторвать глаз.

По бледной коже распластанного на камне толстого мужчины скатывались холодные капли дождя, смешиваясь с алой кровью. В его наготу не было ничего привлекательного, пух-

лое тело вздрагивало под ударами палача. В отличие от людских палачей прошлого и настоящего, нечистый делал это с открытым лицом. И делал с удовольствием. Атам поднимался и опускался. Мужчина на алтаре еще был достаточно жив, чтобы кричать.

Я зажмурилась, но это не помогло, видение человека, которого режут на части, отпечаталось на сетчатке.

Остальные трепетали. Даже те, кто пришли со мной, с жадным любопытством вглядывались поверх голов в чернеющий круг. По лицу явиди побежали очертания чешуек. Меж губ скользнул раздвоенный язык, словно пробуя на вкус воздух, смакуя болезненный крик. Прерывисто вздохнул Мартын, его глаза вспыхнули зеленой.

Стоящая ближе всех ко мне женщина повернулась. Расширенные зрачки, вместо рта зубастая темная щель. Ноздри втянули воздух, словно хотели вобрать в себя мой запах, запах человека.

– Что он сделал? – спросила Пашка, протискиваясь меж нами, слова перемежались с шипением, двойные зрачки явиди горели медью.

– Из-за него издох устаток, – отрывисто бросила та, что выглядела как неопрятная баба лет сорока. – Род лихачей прерван. Орол платит по счету низших.

Орол, он же «крикун». Он не кличет смерть, как карка. Он крикун в буквальном, а не в переносном смысле. Тот, кто силой голоса заставляет сходить лавины и сели. Тот, от чьего крика рвутся барабанные перепонки, лопаются, вытекают глаза, разрываются сердца и выплескивают кровь артерии. Низшая и очень опасная нечисть. Первый же удар атам выпил из голоса орола силу, оставив ему лишь боль и отчаяние. Но он все равно не мог молчать. Никто бы не смог.

– Староста где? – спросил Мартын

Женщина указала на мужчину в центре круга, на раздетого по пояс палача, чью кожу украшала алая роспись кровью, на того, кто, улыбаясь, слизывал ее с собственных пальцев. Провожаемое десятками глаз лезвие поднялось в очередной раз. И опустилось. Толпа охнула, подаваясь вперед. Мужчина повернул атам в ране и движением от себя вспорол толстое, трясущееся, словно студень, брюхо. Живот лопнул, как переспелый арбуз, на камень вывалились сизые потроха, над которыми в холодном воздухе закружился пар. Орол захлебнулся криком, тело задрожало в агонии и замерло.

Тягучий миг над пустошью царил тишина, а потом нечисть встрепенулась. Кто-то что-то сказал, кто-то засмеялся, кто-то застонал.

– Не зевай. – Пашка толкнула меня в плечо, указав на идущего вдоль линии круга целителя.

Я стиснула зубы и направилась следом, глаза то и дело возвращались к влажному от крови и дождя камню, к неподвижному телу на нем. Палач переступил соляную черту, перекинулся парой слов с седоватым старичком в клетчатой рубашке, хлопнул по задку замешкавшуюся женщину. Высокий мужчина с перекатывающимися под кожей мускулами, с темными волосами, пронзительными голубыми глазами и ленивой улыбкой. На вид – чуть больше сорока, из той породы мужчин, что нравятся всем женщинам без исключения. Из тех, кто обладает первыми красавицами и заставляет таких, как я, кусать от зависти подушку.

– Рад видеть. – Палач протянул парню руку, от улыбки на его щеках обозначились ямочки, в чертах лица, в линии губ появилось что-то неуловимо знакомое, при взгляде на этого мужчину, мне вспоминался экран черно-белой «Радуги» и лица актеров. – Гости в Пустоши редки.

– Эээ. – Молодой целитель пожал широкую ладонь и отчего-то смешался. – Я... мы...

– Мы идем по следам Тура Бегущего, подвиг с севера, – оттеснила пасынка змея.

– Низшие в помощь. – Улыбка осталась такой же безупречной, даже когда он посмотрел на меня.

– Вообще-то мы рассчитывали на вашу. – Пашка по-змеиному оскалилась.

– В своих странствиях, – Мартын торопливо открыл рюкзак, достал желтую тетрадь, – Тур бывал и у вас, – парень зашуршал страницами, – «Стёжка на двадцать дворов».

– Ну, уже давно поболе. – Мужчина поймал кинутое кем-то полотенце и стал вытирать шею, на мягкой светлой ткани оставались красно-кирпичные полосы. – Так что вы хотите от меня?

– Он останавливался тут на ночлег, может, вы знаете, у кого? – спросила я.

– Откуда? – Мужчина отбросил покрасневшую тряпку в сторону. – Я тогда еще не родился.

И в этот миг, когда улыбка палача стала нарочито сочувствующей, лежавший на камне орол шевельнулся. Вдохнул, хрипя, словно старый засорившийся пылесос, и заорал. Почти беззвучно, так же, как умирающий старик на Заячьем холме.

Мое сердце заколотилось, воздух никак не хотел наполнять легкие. То, что я видела, было за гранью понимания, за гранью добра и зла. Липкие кишки елозили по земле, собирая черную золу, а орол продолжал цепляться за жизнь.

Конечно, они об этом знали, потому и не торопились покидать лобное место. Сюрпризом это стало лишь для человека.

– У нас обширная программа, – то ли похвастался, то ли предостерег палач.

– Тогда не будем отвлекать. – Пашка с сожалением отвернулась от алтаря и легонько толкнула Мартына. – До заката как раз успеем в Подгорный.

Целитель заморгал, словно пробуждаясь от сладкого сна, в котором продолжала литься кровь и слышались стоны. Не будь с ними человека, они бы остались.

Змея слышала стук моего сердца, чувствовала панику, загнанной птицей бьющуюся в моей голове. Она знала, как хрупко человеческое самообладание. Если сорвусь и побегу, они не смогут противиться инстинктам, они кинутся за добычей. Не исключено, что целитель и явидь присоединятся к охоте. Именно поэтому меня так долго не пускали в *filii de terra*. Дети контролируют себя куда хуже взрослых, а я так долго училась не быть добычей, не чувствовать себя ею.

Но иногда даже этого было мало. Как сейчас. И Пашка отступала, а закинувший на плечи рюкзак целитель следовал за ней. Пусть с сожалением. Это было сродни оттаскиванию падальщика от свежего трупа, тяжело и бессмысленно. Но именно эта бессмысленность и происходила.

Никогда этого не забуду, потому что дружба – это не всегда бой плечом к плечу, это еще и отступление, тогда как хочется искупаться в крови.

Я вспомнила восторг, когда лезвие входило в тело бессмертника, вспомнила теплую искру жизни, перетекающую в руку из атама. Сердце сладко заныло. Отчасти я их понимала, и это пугало.

– Вы идете в Подгорный? – Хорошее настроение старосты испарилась вмиг.

– Да, – парень снова раскрыл книгу, – Тур Бегущий провел ночь и там.

– Святые, – улыбка старосты превратилась в гримасу, – вы смеетесь надо мной?

Вопрос улетел в хмурое небо и остался без ответа. Рука орола стала конвульсивно подергиваться, пальцы заскребли по алтарю, словно желая поцарапать камень. Внутренности орола лежали отдельно от тела, на лице не хватало части кожи, а он не умирал.

Земля и небо качнулись, но я устояла, хотя убежать захотелось сильнее, чем в переходе.

– Тогда мы можем помочь друг другу. – Взгляд голубых глаз палача переместился на Пашку, теперь он был серьезен.

– В чем? – Она говорила чуть насмешливо.

Я заставила себя не думать об алтаре. Не смотреть, а слушать.

– Двадцать часов назад, – стал рассказывать мужчина, – охотник загонял последнее лихо на сотню верст вокруг. Оба спустились сюда и столкнулись с оролом, – краткий взгляд на алтарь, – но от его крика растекся не защищенный амулетами чужак, а устаток лихого рода, шальной, необученный, его родители лишились голов еще в первую свалку с Видящим.

Целитель пожал плечами и захлопнул книгу. Таких историй в северных, да и в любых других пределах, без счета. Войны вспыхивали и затихали, дети рождались, родители умирали, и не всегда в свой срок.

– Охотник ушел. – В голубых глазах старосты сверкнул гнев. – Его взяли восточники из Подгорного.

– Взяли ветра-охотника? – засомневалась я. – Тогда им никто уже не поможет.

– Человека, – припечатал палач.

Слово упало, как немой укор. Иногда такое случалось. Кто-то из людей в силу обстоятельств получал информацию о нашей тили-мили-трэндии, о ее обитателях.

У таких было три пути. Первый – сделать вид, что ничего не было, и жить дальше. Ему следовало большинство. Второй – прийти в неистовство от открывшихся перспектив и нырнуть в омут с головой. Примерно четверо из каждого десятка так и поступали, закладывали душу и вливались в наш дружный коллектив. Шестеро исчезали. Возможно, уходили в безвременье, а, возможно, волки что-то недоговаривали.

Есть и третий, самый трудный путь, для твердолобых и отчаянных. Из добычи превратиться в охотника. На тот короткий срок, пока везение будет на вашей стороне. Может, удастся очистить мир от лиха, орола или даже падальщика. Пока ваши благие цели не привлекут внимания тех, кто человеку не по зубам – лгунов, ведьмаков, изменившихся, нелюдей или ветров-охотников. На этом карьере истребителя нечисти можно считать оконченной.

Это и произошло с безымянным охотником. Старосту расстраивало то, что точку поставят восточники, а не он сам.

– Может быть, вы сумеете подобраться к нему, – глядя в сторону, стал рассуждать палач. – Мои все на виду, рожи успели примелькаться, а вы – чужаки.

– Может быть, – осторожно ответила явидь.

– И, может быть, вы совершенно случайно обозначите его местонахождение указывающим амулетом. – Мужчина нагнулся, подобрал обычный серый камень, такие сотнями валяются в пыли.

Темные глаза вспыхнули, перед нами стоял не обычный палач, на нас смотрел ведьмак, наделенный властью как над живой, так и неживой материей. Камень на секунду раскалился докрасна и с едва слышным шипением остыл.

– Взамен я узнаю, у кого останавливался этот ваш Тур и каким тропами шел.

– Узнай. – Пашка подставила ладонь, и на нее упал ставший опять серым и неприметным камешек. – Мы тоже по сторонам внимательно посмотрим, но если не получится, не обессудьте.

– Не обессудим. – На лицо мужчины вернулась улыбка. – Какие обиды между земляками.

Подгорный мы увидели и слышали издалека. Дым печных труб, уходящий в небо, шум моторов, хорошо накатанная дорога. Даже я не прошла бы мимо, не то что нечисть. Несколько грузовых фур стояло на обочине, водители что-то обсуждали на повышенных тонах. И пусть основным языком востока были различные смеси китайских диалектов, здесь, в центре континента, все еще главенствовал русский, пусть и на стежке Простого демона.

Назвать Подгорный селом язык не поворачивался, по площади Подгорный был больше, чем Заячий холм, если все его изгибы растянуть на плоскости, а по застройке – плотнее, чем наше Юково. Уже не деревня, а маленький городок. Необычно для линейной стежки, хотя, если представить, сколько товаров через нее проходит, ничего удивительного.

Второй деревянный домик со старомодной вывеской «Трактир» оказался придорожным кафе. Чай, зелья, яды, закуски, глаза, нанизанные на нитку, консервированные мозги, сушеные суставы без уточнений о происхождении. Но среди водителей попадались обычные работяги, потому меню разнообразили чебуреками, быстро завариваемой лапшой и прочей гадостью, которой питаются люди.

Спрятавшись от дождя, мы взяли горячего чая и устроились за резным, под старину, столом. Если бы не девушка с мохнатыми бровями, приветливо обнажившая клыки из-за стойки, можно легко представить, что это обычная человеческая забегаловка.

Я смутно представляла, зачем мы явились сюда спустя несколько столетий. Кому мог запомниться путешественник, остановившийся на стежке на одну ночь, а потом снова ушедший в горы? К сожалению, ни к чему другому привязать произошедшую накануне «нехорошую ночь» мы не могли.

Мартын раскрыл тетрадь и стал перелистывать страницы.

– Мы знаем, что на ночь он останавливался у гвоздаря, – задумчиво поднял кружку с чаем парень.

– А гвоздарь – это? – спросила я.

– Кузнец. – Пашка понюхала напиток, скривилась, но отпила чуть-чуть. – Как думаете, он еще жив?

– Если нет, то его сын точно, или внук, – ответил молодой целитель.

– Которые о «нехорошей ночи» даже не слышали, – вздохнула я.

– Что скажешь? – обернулась к девушке за стойкой явидь. – Есть в Подгорном гвоздарь?

– Вам почто? – ответила та. – Зубья стерлись, что ль? Или оградку заказать надумали?

– Оградку, – кивнула Пашка, – тебе подарим.

Незнакомка зарычала, хлопнула входная дверь, новый посетитель рассмеялся.

– Спасибо бы сказала, Вирка. Низшие не велят подарками пренебрегать. – Пожилой, почти лысый мужчина без спроса уселся за наш столик. – Я – смотритель и летописец Подгорного. – Он по очереди посмотрел на явидь, на меня, на парня. Темная кожа на широком лбу собралась складками. – Надолго ли к нам? Интересуюсь по долгу службы.

– Будет зависеть от вас, – ответила змея.

– Гвоздарь живет за первым поворотом к югу, третий дом с коваными цветами вместо решеток, – улыбнулся смотритель. – Еще что-то для дорогих гостей?

«Чтобы вы убрались побыстрее со стежки», – произнесенные вслух слова повисли в воздухе.

– Почему нет. – Явидь кивнула Мартыну.

– Мы идем по следу Тура Бегущего, – сказал молодой целитель.

– Плохой след. – Старик нахмурился.

– Вы его знали? – удивилась я.

– Видел. – Дед перевел взгляд в пространство. – Послушайте моего совета, не суйтесь к Илие с этим. – Он указал на дневник в руках у целителя.

– Почему? – спросил парень.

– Потому что после ухода постояльца с желтой тетрадью его единственная дочь Алика понесла.

Я почесала нос, парень допил чай и поставил кружку, особого впечатления новость не произвела. Это же нечисть, тут за неверность или беременность «в девках» никогда камнями не забрасывали.

– Мое дело предупредить. – Смотритель встал. – Неприятностей с северниками мы не ищем, но если уж припрет, прятаться не станем.

Предупреждению мы не вняли и уже через десять минут стояли перед домом с ажурными коваными решетками. Желтая тетрадь была предусмотрительно убрана в рюкзак. Ворота гаража, пристроенного к дому, открылись, и мы увидели гвоздаря.

Позади кузнеца, там, где должна стоять машина, располагалась мастерская. Пылала жаром печь, в длинных мускулистых руках кузнец держал отнюдь не кузнечный молот, а рычаг современного механического пресса. Шишковатый череп повернулся в нашу сторону. Одного взгляда хватило, чтобы понять, почему Илие не стоит напоминать о визите Тура Бегущего. Он был робазом. Родами погибла его мать, его жена, а вот теперь и дочь. Ее убил плод, что оставил в ней путешественник, остановившийся в его доме на ночь. Еще один род, принимающий смерть от своих детей: либо при рождении, либо после их совершеннолетия. Дочь не доросла до того, чтобы поднять руку на отца, но зацвести для мужчины – успела вполне.

– Убирайтесь, – высказался Илия, снова повернувшись к прессу.

– Уже предупредили, – процедила змея и без всякой опаски зашла в мастерскую.

– Не буду говорить о Бегущей твари. Судьбу переписать надумали? Без меня. – Робаз опустил пресс в форму. – Заявится Тур, шею сверну.

Я видела робаза второй раз в жизни, и, в отличие от работающего у Седого в гараже, этот был образцом красноречия.

– Да, низшие в помощь, – криво улыбнулся целитель. – Мы тоже не особо хотим о нем говорить.

– Расскажите о нехорошей ночи, – попросила я, откидывая мокрые волосы назад. – Той, что была накануне.

Пресс с шипением поднялся, длинные обезьяньи руки напряглись и разжались.

– Бывают такие ночи, мало ли, – пробормотал Илия. – Сны дурные налетят и сгинут.

Я вошла следом за змеей. Илия посмотрел на меня маленькими темными глазками, нахмурился и по-звериному тряхнул головой. Но спрашивать о том, что в компании целителя и нелюдя делает человек, не стал.

– Ночи? – услышала главное змея. – Ночь, когда деревья шагнули вперед, была не одна?

– Уходите, нечто бабские сказки повторять. – Кузнец вытер руки и потянулся к молотку на стене, разных железок вокруг висело в избытке. – Не то пески вернутся. Ну, – робаз повысил голос, – пошли прочь!

– А вот это уже интересно. – Целитель оглядел пустынную улицу, вопреки всякой логике разговор с кузнецом вызвал в нем воодушевление. – Вы слышали, ночь была не одна?

– Не глухие, – проворчала Пашка. – Что он имел в виду, говоря, что пески могут вернуться? – В первый раз я видела, как ей стало не по себе. – Это ведь магия Простого демона.

– Логично, вы не находите? – остановился парень, подбирающееся к горизонту солнце сделало его кожу смуглой и словно бы припорошенной пылью. – У кого собрано больше всех артефактов ушедших? Кто чаще других брал их в руки?

– Да-да, мы поняли, – перебила явидь. – Предпочитаю не связываться с магией хозяев. Не хочу превратиться в человека. Не обижайся. – Она посмотрела на меня.

– Песок есть везде, – кивнул целитель. – А песок Простого забирает нечистые силы одним касанием.

Пашка переступила с ноги на ногу, словно ходьба по восточным землям доставляла дискомфорт и, приняв хавшись, вдруг присела, проводя пальцами по влажной черной земле.

– Здесь прошел человек.

Я сделала шаг назад, оставив влажный отпечаток.

– Да не ты, – отмахнулась змея. – Мужчина, не более суток назад. Один, без конвоя.

Только нелюдь могла почувствовать смытый дождем след, взять который не смогла бы и собака.

Я вспомнила просьбу старшего Пустоши, ему не понравилось, что охотника взяли восточники. Но, по словам змеи, человек был более чем свободен. Сколько у них тут людей бродит?

Опытные, не в первый раз доставляющие грузы водители предпочитали проезжать, а не проходить стёжку. Видимо, деньги были важнее отсутствия ночных кошмаров.

– Предлагаете заняться просьбой старосты? – спросил целитель.

– Всяко лучше, чем соваться в дела Простого, – кивнула Пашка. – Хотя, палач лукавил, он не станет выяснять, у кого останавливался Тур Бегущий в ту ночь.

– Почему? – спросила я.

– Потому что он и так это знает, – ответил целитель. – Хотел нас на крючок подцепить. По его словам, в те времена он даже не родился.

– Вранье? – уточнила я.

– Нет, – фыркнула змея. – Но год, когда Тур бродил по горам, мы не называли. Он знал его сам.

План Подгорного напоминал не расческу, как наше Юково, а, скорее, решетку для гриля. Мы шли прямо, потом два раза свернули направо, пока не уперлись в тупик. На первый взгляд глухой, но явидь, раздвинув ветви кустов, растущих вдоль дороги, прошла дальше, не останавливаясь.

Мы выбрались к широкому деревянному срубу, больше похожему на общественную баню, нежели на жилой дом. Узкие оконца, серый дым из трубы.

В Подгорном построек с печным отоплением больше, чем в Юково. К примеру, в моем доме труба носит декоративный характер, а комнаты отапливаются от электрического котла. Я за него даже не плачу, как и за все, сворованное у людей, вроде интернета или газа. Вопросов, как это устроил старик, никто не задавал. Времена, когда я переживала за коллективную собственность, давно прошли.

Теплый золотистый цвет бревен, широкое крыльцо, на котором, наверное, так приятно сидеть летними вечерами. Хозяин открыл дубовую дверь, не дожидаясь, пока мы поднимемся и постучим.

Он смотрел на троих незнакомцев без улыбки. А жаль, она ему так шла.

Темные волосы, темные глаза, рельеф мышц под чёрной водолазкой, волосы чуть покороче, складка у рта чуть глубже, но в остальном... На восточной стёжке в доме, куда привел нас след человека, стоял староста Вепревой пустоши. Или кто-то, нереально на него похожий. Как брат-близнец.

Ошеломленное молчание было столь же осязаемо, как и влага, повисшая в воздухе. Солнце за нашими спинами готовилось нырнуть за склоны, максимум через час станет совсем темно.

– Привет, – поздоровался Мартын.

– Собак спущу, – ласково пообещал мужчина.

– Сделайте одолжение, – предельно вежливо ответил молодой целитель, наверняка таким тоном он отвечал на вопросы учителей, и его глаза вспыхнули светлой зеленью. – Давно мне таких подарков не преподносили.

За спиной мужчины вырос еще один силуэт. Я испытала непреодолимое желание протереть глаза. Этот был моложе, не старше двадцати пяти-тридцати лет, со светлыми карими глазами и длинной челкой, но семейное сходство не заметил бы только слепой.

– Отец, не надо. Я сам разберусь. – Взгляд молодого мужчины пробежался по парню, явиди и остановился на мне.

Тот, кто давно живет на стёжке, волей-неволей учится наблюдательности. Пусть разобратся в низших родах трудно, но отличить нечисть от человека может каждый, главное, научиться видеть.

Мы с молодым мужчиной посмотрели друг на друга, люди тоже иногда обходятся без слов.

– Черта с два, – выдохнул его отец. – Их послал Ксьян, так что...

– Проходите, – перебил молодой, распахивая дверь. – И, кстати, собак у нас нет.

– Их нигде нет, – пожала плечами змея, заходя в дом.

С угрозами надо быть осмотрительнее, собаки, как и комары, в нашей тили-мили-трындии не прижились, кроме гархок, конечно.

Уютный мужской дом, вряд ли чувствовавший женскую руку. Пыльное чучело совы в прихожей и олени рога. Но, слава святым, обошлось без отрубленных голов на стенах. Стены обшиты светлым деревом, коричневый диван, письменный стол, стул, абстрактная картинка на стене и нереальная для мужского жилища чистота.

Чай или кофе в нечистых домах предлагают лишь в одном случае, если желают подсыпать яд.

– Передайте Ксьяну, что он может засунуть свое предложение в зад. Я не продаюсь, – обошелся без атрибутов вежливости хозяин.

– Так и мы – не торговые представители. – Явидь подкинула на ладони серый дорожный камешек.

Мужчина проследил за полетом указующего амулета, темные глаза сузились.

– Влад, выйди! – скомандовал он сыну.

– Но...

– Выйди, я сказал.

Его сын дернулся, но протестовать вслух не стал. Дверь за человеком, по капризу святых приходящемуся мужчине сыном, закрылась.

– Ему нужен Влад. – Хозяин дома не спрашивал, он утверждал.

– Ничего удивительного. Он охотился в Вепревой пустоши, охотился на ребенка. – Молодой целитель отвернулся.

– Но никого не убил и даже не покалечил.

– Назови другую причину. – Пашка еще раз задумчиво рассмотрела камушек и убрала в карман.

– Люди – товар скоропортящийся. Шаг наверх по стёжке – и выбирай на свой вкус, – поморщился мужчина.

– Но нужен конкретный человек, – сказала я, – твой человек.

– Не понимаю, – развел руками мужчина, – К чему вам – нелюдю и целителю, пусть пока серому, менять судьбу, свой род? Куда уж выше? Что вас не устраивает? Ей, – он указал на меня, – все равно не помочь!

Я проигнорировала и его недовольный взгляд, и слова. Странные слова, так не соответствующие эмоциям. В то время как чувства кричали, что вот сейчас, еще немного, и все встанет на свои места. И я пойму разрозненные намеки, что вертятся в голове, как забытое слово на кончике языка.

– Эм, – клацнула зубами Пешка. – Ты о чем, ведьмак?

– Гвоздарь тоже говорил что-то о судьбе, – нахмурился Мартын и полез за желтой тетрадью.

– И вы еще будете меня уверять, – увидев дневник подвия, хозяин дома прикрыл глаза, – что пришли не за судьбой. Даже дед понял, а он умом не блещет.

– Вы – сын, родившийся у дочери кузнеца от Тура Бегущего, – сообразил целитель. – А Ксьян?

– Я слышу одну и ту же кровь, бегущую по венам, – оскалилась змея.

– Она и есть одна. Молодой и здоровый подвий останавливался не только в Подгорном, и не только у кузнеца была дочь.

– Вот тебе и овечье одеяло, – пробормотала я.

– То есть, ваш брат настолько соскучился по племяннику, что жаждет встречи на алтаре, – заключила Пашка.

Мужчина замолчал, и это молчание было красноречиво. Дело было не в человеческом охотнике, вернее, не только в нем. Иначе того бы уже давно отловили, слишком уж разные у них с северным «дядей» весовые категории. Если задуматься, староста Пустоши не просил нас поймать охотника или вывести за пределы стёжки, он всего лишь просил обозначить его местоположение сигнальным артефактом.

Так что имело значение? Человек? Его отец? Или этот дом, который, в отличие от хозяев, убежать не может?

– У кого Тур Бегущий так плодотворно остановился в Пустоши? – спросила я мужчину.

– Сообразила, – криво улыбнулся мужчина. – У изменяющегося. Он на эту забытую святыми стезю один такой был. Теперь ты понимаешь...

– Что вы храните в этом доме? – перебила я хозяина дома. – Оно стоит жизни вашего сына?

– Нет. – Рык исказил лицо мужчины. – Не стоит. Уходите. Хотите – деритесь. А Ксьяну передайте, сунется – выпотрошу. Ясно? Камешек можете оставить, он ни мне, ни моему дому вреда не причинит. – Мужчина взмахнул рукой, пальцы сжались в кулак – стоящий у стола стул опрокинулся на пол, ведьмак давал понять, чем обернется для нас дальнейшее пребывание в его доме.

– Классно поговорили, – шипела змея, улица уже была темна, свет в окнах домов ложился на дорогу размытыми прямоугольниками. – Люблю задушевные беседы, особенно когда оппоненты настолько близки, что обходятся одними намеками.

– Мы здесь никто. Ни сказать, ни приказать, ни заставить, прикрываясь именем хозяина. Прогоняют – уходи или дерись. – Простая истина возмущала и озадачивала молодого целителя.

– Эти ведьмаки из Пустоши и из Подгорного братья по отцу, – сказала я.

– Спасибо, святая Ольга-заступница, вразумила. – Пашка изобразила шутовской поклон, впечатление портили лишь выскочившие черные когти. – Плевать мне на их родство. Что тут, во имя низших, творится? Очередная версия Монтекки и Капулетти? Санта Барбары? Рабыни Изауры? Династии? Супермена?

– Он-то тут при чем? – буркнул парень, последнее предположение почему-то его обидело.

– У ведьмака в доме что-то хранится... – стала объяснять я, но Пашка обхватила мои плечи с такой силой, что следующий вдох дался с трудом – не дружеский жест, а борцовский захват.

– За тобой идет человек, – прошипела она в ухо и потащила меня вперед. – По соседней улице. Тот, кого якобы взяли восточники, кто якобы охотился на лихо.

– Точно за мной? – переспросила шепотом я.

– Ага, – улыбнулся Мартын, – за тобой. Его взгляд сверлит твою спину. Неужели не чувствуешь?

– Чему радуешься? – Явидь увлекла меня в переулок. – Разворошили осиное гнездо.

– Так и прекрасно, – продолжал веселиться парень. – Пусть проявят инициативу. А мы посмотрим, что из этого выйдет.

Пашка оскалилась и торопливо зашептала:

– Идешь по улице до первого поворота, сворачиваешь направо и оказываешься на Центральной. С нее не сходи, что бы ни случилось. До кафе, в котором мы сидели, от силы два квартала.

– Дай охотнику шанс, – добавил молодой целитель. – Соглашайся на любое предложение, там разберемся, надо оно нам или нет.

– Повторяю, со стежки не сходить, – снова стиснула меня Пашка. – Будешь ждать в кафе, сиди хоть до утра, но по темноте не шастай, тут тебе не север. Поняла?

– Да.

– И чтобы не заснуть ненароком. – Глаза целителя вспыхнули светлой зеленью, я почувствовала, как по телу поползли мурашки, прогоняя усталость и наполняя мышцы силой.

– Святые! Что отец, что сын. Хоть бы предупреждали, что ли. – Я встряхнулась, чувствуя, что могу пробежать несколько километров без остановки. – Сами-то что делать будете?

– Смотреть со стороны. Оттуда всегда лучше видно. – Змея подмигнула, достала из кармана указывающий камешек и протянула мне. – Может, ничего и не будет, и охотник пойдет своей дорогой. Но если нет, стоит его пометить.

– Не хочу сдавать человека палачу.

– Этот Влад тебе никто, поняла? Посмотрим, как запоет его отец, когда сынок окажется в любящих руках дяди. Если не он, так прадед вспомнит о «нехорошей ночи». – Пашка вложила амулет мне в ладонь. – У нас есть цель, не забыла? Юково.

Я сжала пальцы вокруг прохладного камня.

Влажная земля мягко пружинила, дыхание вырывалось рваными облачками пара, ночью на стежке похолодало. Дождь продолжал накрапывать, мелкий, надоедливый, неприятный. Капли затекали под воротник и охладили кожу.

Я шла, поминутно оглядываясь, вслушиваясь в каждый шорох, вглядываясь в каждую тень. И почти успела пожелать, чтобы шедший где-то позади человек решился хоть на что-нибудь: либо на разговор, либо на удар.

Но все же, когда вынырнувший из бокового переулка мужчина схватил меня за руку, я испугалась, не удержавшись от вскрика.

Со стороны смотрелось наверняка презабавно. Идут двое, мужчина и женщина, держатся за руки. Внутри меня все подрагивало от предвкушения и странной иррациональной неизвестности. Не страх, а лишь его преддверие. Я знала: что-то случится, и даже почти ждала этого. Так мы и шли несколько минут, не расцепляя рук и бросая друг на друга косые взгляды.

– Как тебя увидел, сразу все понял, – заговорил, наконец, Влад.

«Ну, хоть кто-то», – мысленно ответила я, продолжая идти рядом.

– Ты – человек. – Он говорил так, словно это объясняло весь тот бред, что происходил вокруг, – Вместе мы сделаем это. Ты север, я восток. Соберем артефакт и станем, – я почувствовала пожатие пальцев, – не слабыми людьми, не низшей продавшей душу нечистью, а высшей знатью. – Влад зло рассмеялся. – И тогда упыри умоются кровью.

По его телу прошла дрожь предвкушения и по руке предалась мне.

– Значит, то, о чем все говорят, то, что меняет судьбу, существует? Артефакт? – спросила я.

– Не просто артефакт, а вещь ушедших.

– И хранится он в доме твоего отца?

– Часть. А часть у Ксяня, его разделили.

– Ты поэтому там охотился? Чем тебе маленькое лихо не угодило?

– Да ничем. Пусть не валят с больной головы на здоровую. У нас с лихачем был договор, да только Ксяня пронюхал, орола этого толстого на нас натравил. Меня защищают амулеты отца. – Невзирая на дождь, Влад отогнул воротник куртки, показывая связку разноцветных подвесок на толстой цепочке. – А мальцу башку снесло.

Интересная картина, особенно если учесть, что орола староста сам же и казнил. Напрашивающийся вывод прост, что бы ни хранилось у ведьмаков – это секрет. И ради его сохранности будут убивать.

– По отдельности части не работают?

– По отдельности это мусор. – Влад улыбнулся. – Предлагаю сделку, ты достанешь часть у Ксыяна, я у отца. Согласна?

– Предположим.

– Никаких «предположим». Просто сделай. Ведь тебе не надо объяснять, что поставлено на карту.

«Нет, не надо. И неважно, что здесь происходит, мое дело – Юково».

– Сделаю. Куда принести?

– В хижину охотника, это на южном склоне Сосновой, иди от стёжки к югу по самой широкой тропе, не промахнешься. – Влад остановился и заглянул мне в лицо, глаза мужчины стали серьезными. – Завтра на закате.

– Хорошо, – как велел целитель, согласилась я. – Только уж, извини, страшно, – и это было правдой, – брать в руки принадлежавшее святым. Какова цена касания?

– Цена не для тебя. За полученную силу ответят другие. За силу рода род и расплатится. – От улыбки вокруг карих глаз собрались морщинки. – Артефакт вытянет силу из будущего. Из потомков. Из детей. Как думаешь, почему я такой? Чем в свое время воспользовался отец?

– Дети? – Внутри что-то дрогнуло. – Артефакт заберет силу детей и передаст нам?

– Посмотри на это иначе – совсем необязательно их заводить.

– Ну, а если... – Я запнулась. – Ты уверен, что у тебя нет детей?

– Ну, – Влад усмехнулся, – почти.

И именно увидев эту усмешку, я приняла решение.

– Твой отец сказал, что человеку артефакт не поможет.

– Он не знает наверняка. – Влад приобнял меня за плечи, как старого друга, и все это потому, что я человек, посторонний, незнакомый, но человек. – Ты в деле?

– Да. – Коснувшись влажной куртки, я разжала ладонь, и камешек скатился в широкий карман охотника. – Будь уверен. Только вот...

– Что?

– Твой прадед-кузнец грозил нам песками и о нехороших ночах говорил. Я мало что поняла, прости, но оставаться совершенно не хочется.

– Брось, плохие ночи не так часты, как квохчут старики. Да, эти ночи опасны для людей. – Я подняла брови. – Но не бойся, отец предупредит, всегда меня предупреждает, а я тебя. – Мужчина достал телефон. – Диктуй номер.

Я продиктовала. Теперь мы могли предостеречь друг друга или завести в ловушку.

Ночь я провела в кафе, ловя на себе усталые, удивленные или плотоядные взгляды водителей. Выпила литра два чая и десять раз сбежала в туалет. Получила три неприличных, два льстивых и одно непонятное предложение.

Ни Мартына, ни Пашки я так и не дождалась – звонки на мобильники проходили, но трубку мои спутники брать отказывались. Девушку за стойкой бара сменила полноватая женщина с синими волосами, я купила горячий бутерброд с неизвестным мясом, и от меня еще на какое-то время отстали.

К тому времени как над лежащими на горизонте горами поднялось красное солнце, я поняла – никто не придет. Осталось решить, что делать дальше. Целитель и змея могли как выследивать Влада, так и сидеть в подвале у его отца. В этом случае я ему не завидовала.

Выбор невелик: слоняться по Подгорному или исчезнуть, третьего, как говорится, не дано. Единственное место, куда можно пойти, лежало в паре часов ходьбы на запад.

Допив очередную, не помню, какую по счету, порцию чая, я встала, пригладила высохшие волосы и вышла. Из трактира. Из Подгорного. Из стёжки. Из восточных пределов.

Дождь кончился ночью, под скупым утренним солнцем земля просыхала медленно и неохотно. Не скрываемая больше завесой дождя Вепрева Пустошь выглядела неприветливо, особенно по сравнению с Подгорным. Черные, какие-то подгнившие дома, лужи, грязь и пустота. Тут праздных прохожих не бывает, а все свои на учете.

От напряженных взглядов горела кожа. Это и имела в виду явись, когда просила не шататься в одиночку. Я словно отмотала время назад, вернулась в свой первый час на стёжке, первый день, первую неделю, в то время, когда каждая прожитая минута казалась достижением.

Тетка с замотанной красным платком башкой и колючими глазами огрызнулась, но все же указала мне на дом измененного. На дом, в котором он когда-то жил. Раз еда сама идет к столу, мешать ей у нас не принято.

На выгнутых досках крыльца влага собралась в лужицы, в которых плавали размокшие ветки, ошметки коры, рваными кусками валявшейся тут же. Улыбчивый староста был дома, и даже постарался не очень удивиться моему визиту без спутников.

Его дом был полон книжных полок и затертых фолиантов, пыли и запахов. Ароматов мокрой псины и шерсти. Дом Изменяющегося, того, кто превращается в животное. И как, интересно, у волка в семье родился человек?

Я присела на краешек накрытой ковром софы. Мужчина отдернул занавеску, и на меня упал тусклый утренний свет. Судя по всему, палач даже не ложился. Я посмотрела на его мятую рубашку и, вздохнув, заговорила.

– Варианта два, – выслушав меня, ответил Ксяян. – Либо твои спутники загуляли, либо съедены восточниками.

– Не очень обнадеживающе.

– И реагировать мы можем так же. Подать кляузу хозяину. Или ждать. Если закричим «волки», а дичь останется жива, ни мне, ни северу этого не забудут до конца времен. – Он посмотрел в тусклое окошко. – А как с вашим делом? – Темные глаза блеснули. – Нашли Тура?

– Боюсь, никто о Туре говорить не хочет. – Я передернула плечами. – Сразу переводят разговор на какой-то артефакт. – И тут же попросила: – Не покажете?

Староста опустил голову и выругался, длинно, красиво, с чувством и на незнакомом языке.

– Этого следовало ожидать, – сказал палач, на этот раз улыбка вышла горькой, но не менее искренней, он указал рукой на одну из полок: – Смотри.

Рассохшиеся доски, прикрытые серой занавеской, крепились к стене с помощью металлических уголков. Вся поверхность была заставлена всякой всячиной. В основном, коллекцией свечей разной степени оплавленности, в подсвечниках и без. Выросший в другом веке, Ксяян не до конца доверял электричеству и прогрессу. Огарки соседствовали с блюдами с отбитыми краями, пустыми банками, баллонами, комками пыли, книгами с загнутыми краями и крупинками соли, сахара или манки, рассыпанной и не убранной вовремя.

Длинные пальцы мужчины обхватили лежащую там округлую железную штуковину. Он поднял предмет и повертел в воздухе.

Трио скрепленных между собой колец образовывали широкую трубку, которую при желании пролезет и рука, и нога, и шея, если отпилить голову. По центральному кольцу шло гребенчатое уплотнение с выступающим, когда-то наверняка острым шипом.

Даже не знаю, с чем сравнить этот артефакт, может, с частью блестящей гофрированной трубы, которую я видела в магазине сантехники? А может, с доспехом?

– Налокотник доспеха ушедших, – развеял сомнения староста. – Или не ушедших, больно уж невелика цена за его магию.

– Невелика? – переспросила я.

– Мир вокруг тебя останется прежним, изменишься ты сам. Ушедшие обычно берут дорожку. Думаю, доспех воина, прикрывавшего уход святых из этого мира.

– От кого прикрывал?

– Сие неведомо.

– Значит, Тур нашел то, что искал, – прошептала я.

«...заяти в долонь налокотыню павшего, ведати алафу велицею» – вспомнились мне слова из желтого дневника.

Ксьян пожал плечами.

– А что с моей просьбой? – Он отвернулся к полке. – Нашли охотника? Можно идти на зов амулета?

– Можете. – Я посмотрела на широкую спину с напрягшимися мускулами. – Уверены, что вам это надо?

Мужчина осторожно положил часть пыльного доспеха обратно на полку.

Помнится, мой тайник с серебром был из той же серии, хочешь что-то спрятать – оставь на виду. Жаль, что против нечисти это редко срабатывает. Но без второй части артефакт – не более чем древняя железка и может валяться в пыли хоть до следующей эпохи, чтобы найти артефакт, надо знать, что искать. И кто-то, безусловно, знает.

Не успела эта мысль встревожить меня, как грязные доски пола приблизились к лицу, резко встав на дыбы. Тело стало мягким, будто из него вытащили кости. Падения я не почувствовала, зато услышала, как в кармане весело заиграл, задержался сотовый.

– Уверен, – сказал, склонившись ко мне, Ксьян, его улыбка осталась такой же располагающей.

Моя ошибка. Слишком привыкла считать себя кем-то более значимым, чем обычный человек.

В Юково знали, кто я. Мать легенды зимы и старая игрушка хозяина, в которую он играет, хоть и редко, но выкинуть никак не соберется. Они знали, что даже беззубая добыча может укунить до крови, они, пусть и не сразу, но признали мое право на существование.

Здесь не дом, а Пустошь. Человек на северной стёжке, один, без явиди и целителя. И без метки гостя. Я не представилась, не ударила себя в грудь, не рассказала, как приятно греть постель хозяина. Оставалось только внутренне рычать от бессилия, хотя лицо оставалось неподвижным.

– Спать, – скомандовал палач и дотронулся пальцем до моего лба.

Касания я не почувствовала. Прошлое вернулось, на меня снова смотрели, как на ужин. Время стремительно отматывалось назад, все дальше и дальше, туда, где все начиналось.

Двадцать седьмое сентября одна тысяча девятьсот восемьдесят первого года. Эта дата выжжена в памяти. И иногда, когда я устаю, когда готова опустить руки и сдаться, меня отбрасывает в прошлое, заставляя снова и снова переживать тот день.

Открывая дверь, я едва не выронила ключи, сетка больно ударила по ногам. Черт! Там же яйца, за которыми пришлось отстоять немалую очередь в гастрономе. Войдя в полутемную узкую прихожую, я щелкнула выключателем, опустила сумку на трельяж и присела рядом. Ноги гудели.

– Алиса!

Молния на сапогах, где бегунок был давно заменен канцелярской скрепкой, застряла посередине.

– Мама пришла. Кирилл, помоги мне с... – Я замерла, только сейчас обратив внимание, что в квартире царят тишина и темнота.

Первый легкий укол тревоги коснулся кожи. Полурасстегнутый сапог остался на ноге, я сделала шаг вперед и замерла в дверном проеме. В комнате никого не было. Алиса не делала

уроки, Кирилл не дремал на диване, прикрыв лицо газетой. Я машинально посмотрела на часы – без пятнадцати семь.

Пуста была и кухня, и санузел, и даже лоджия, куда я заглянула скорее для проформы, не понимая, чего боюсь больше, того, что родные могут выскочить из-за зимней резины, или того, что они этого не сделают.

Какой сегодня день? По четвергам у Алисы кружок танцев, их могли задержать, а Кирилл мог пойти встречать дочь. Но тогда бы он оставил записку на кухонном столе. Я осмотрела столешницу, раковину плиту, и даже заглянула в холодильник. Ничего. И сегодня пятница. Семь вечера.

Пальцы похолодели, сердце начало колотиться. Откуда столько страха?

Я бросилась из квартиры, по пути задев и опрокинув сетку с продуктами, но даже не обернулась на звук падения.

До школы минут десять быстрым шагом, пять – если бегом. Я дернула запертые двери раз, другой, третий. Окна на фасаде были темны, иногда учителя или технички задерживались в учебном заведении допоздна, но видимо, не сегодня. Внеклассные занятия закончились. Вечер пятницы, начало восьмого.

Я обошла территорию школы, грядки, с которых давно собрали урожай, сунулась на спортивную площадку, за развесистым деревом наткнулась на компанию старшеклассников, которые еще не успели переодеть форму, у широкого ствола валялись брошенные портфели. Так и не придумав, о чем их спросить, я отвернулась.

Вдруг возникла мысль, что пока я тут занимаюсь непонятно чем, Кирилл и Алиса уже вернулись.

И я побежала обратно, но, едва свернув во двор, наткнулась взглядом на темные окна квартиры.

«Это ничего не значит, – повторяла я про себя, влетая в подъезд. – Они просто не успели включить свет. Или забыли».

Сегодня можно подумать о запретном. О том, что я предпочитала не замечать, о том, что не вписывалось в привычную картину жизни. Как ногти дочери вспороли варежки, или как после минутного разговора с моим мужем окружающие перестали обращать на это внимание, словно клыки и когти были нормой. Или о молчании, за которое я цеплялась десять лет. Ведь пока не озвучишь проблему, так легко притворяться, что ее нет.

Я знала: и Кирилл, и Алиса прекрасно видят в темноте.

Руки дрожали, никак не получалось попасть в замочную скважину, ключи все-таки упали, дверь, скрипнув, открылась, и я не сразу сообразила, что, убегая, просто забыла запечатать замок.

Чуда не случилось, приходящая была пуста. Я перешагнула сетку с продуктами и схватилась за черную трубку телефона. Минуту послушала гудок и опустила трубку обратно.

Куда звонить и что сказать?

Взгляд упал на висящие над аппаратом на гвоздике ключи от машины. Я схватила брелок и снова побежала на улицу. Бежевая копейка, на которую мы копили три года и еще два отстояли в очереди в профкоме, была припаркована с торца дома. Капот был холодным, но я все равно открыла дверь и посидела внутри, думая то об одном, то о другом. Мысли, как шарики от пинг-понга, скакали туда-сюда, от паники к принудительному спокойствию.

Что могло случиться? Кирилла поставили в ночную смену? И он не предупредил меня? Не позвонил на работу или домой? Ладно, пусть, но тогда где дочь? Она не настолько мала, чтобы не остаться дома в одиночестве. Десять лет отпраздновали мороженым и тортом три дня назад в тесном семейном кругу.

Или несчастный случай? Болезнь? Что-то с Алисой, и муж вызвал скорую и сейчас ходит из угла в угол в приемном покое третьей детской?

Я уже потянулась к ключам, чтобы завести двигатель и поехать в больничный городок, но заставила себя опустить руки. Моя дочь ни разу ничем не болела, ни разу ничего не ломала, даже когда свалилась с турника, на котором минут пять висела вниз головой, кривляясь, как обезьяна.

Вместо облегчения эта мысль принесла новую волну страха, от которого заломило виски. Что меня так пугало?

Пятница, половина восьмого. На лавке у подъезда ни одной бабки, осень выдалась ранней, и холод разогнал всех по домам.

Я заперла машину и пошла к дому, мысленно составляя список друзей Кирилла, которых буду сейчас обзванивать. Муж мог пить пиво в сквере, а Алиска зачем-то увязалась с ним. Одно имя сменялось другим. Маринка и Олег? Лена и Ванька? Михаил и Дашка? Я споткнулась, внезапно осознав, что к каждому мужскому имени присоединяю женское. Мы дружили с семьями моих подруг, с теми, с кем я его познакомила. На память пришло только одно полузабытое – сослуживец Леха, с которым муж ходил в баню на улице Свободы и возвращался слегка нетрезвый. Стоило открыть дверь, как он подхватывал меня с порога и забрасывал на плечо, хлопая по попе. А вокруг прыгала Алиса, требуя либо поднять и ее тоже, либо вернуть маму на землю.

Я всхлипнула и поняла, что стою в подъезде, размазывая слезы по лицу. Что со мной? Откуда эта уверенность, что прежняя жизнь закончена?

Дома я бросилась к шкафу и распахнула дверцы, провела рукой по вешалкам, а потом стала выкидывать вещи с полок прямо на пол. Свитера, майки, носки, трусы. Уходя, мои муж и дочь не взяли с собой ни одного платка, ни одного носка.

От шкафа я бросилась к стенке, открыла бар, где по традиции вместо напитков хранились документы, аптечка, пара золотых цепочек, мои сережки, духи и прочая ценная чепуха. Пальцы быстро перебирали бумажки. Мой паспорт, бордовая книжечка Кирилла, зеленая – свидетельство о рождении Алисы, голубая – сберегательная, пара двадцатипятирублевков в конверте, на черный день. Они ушли, не взяв ни одной тряпки, ни одной бумажки, даже пропуск Кирилла в пластиковом чехле валялся поверх коробки конфет, убранной «до гостей».

Девять вечера. Никто не пришел.

Я взялась за телефон и обзвонила всех, кого вспомнила, всех, чьи номера нашла в записной книжке мужа. Друзья встревожились и неловко попытались меня утешить. В автомастерской не поняли, чего я от них хочу. На заводе никто не ответил. Какой-то Михаил бросил трубку, едва услышав, о ком его расспрашивают. Как и неизвестная Елена, томно выдохнувшая «алло». Ни одной записи о Лехе или Алексее не было. Я помнила его, среднего роста, среднего телосложения, да и весь какой-то средний. С короткими пегими волосами, он несколько раз подвозил мужа домой. Мне больше вспоминались рассказы Кирилла о нем, чем он сам. Возможно, у сослуживца просто нет телефона.

Частные номера сменились общественными. Я звонила в вытрезвители, травмы и морги, очень боясь услышать положительный ответ. Но не услышала, все пострадавшие были опознаны.

Полночь, пятница сменилась субботой.

В какой-то момент я забралась с ногами на диван и заорала, пряча лицо в подушку. Потому что идеи кончились, и то, от чего я убегала весь вечер, предстало во всей красе, не позволяя в очередной раз отмахнуться.

Чего на самом деле не хватало в доме? Не вещей и бумажек с печатями. Кто не выбежал меня встречать в коридор? Наша семья насчитывала еще одного члена. Кошка Муська появлялась в коридоре первой, всегда забиралась в опустевшую сумку и шуршала там чеками, или с упоением запутывалась в авоське.

Я подняла голову от подушки, на антресолях темнело одно пустое место, между коробкой от телевизора и свернутым старым одеялом. Не хватало спортивной сумки на молнии, в ней мы перевозим кошку, если возникает такая необходимость, а возникает она нечасто. Слезы хлынули вновь.

Завести котенка Кирилл уговорила Алиса, и, покидая дом, она забрала с собой то, что больше всего любила – своего питомца. А это значит, что дочь уходила сама, без принуждения, и знала, что не вернется.

Заявление о пропаже людей у меня приняли лишь через три дня. Усталый милиционер в мятом кителе и с дурным запахом изо рта нехотя взял исписанный синей пастой лист и покачал головой.

– Ну, ушел мужик, чего сразу заяву-то катать? Нагуляется – вернется, сама потом сюда бегать будешь, да в ножки кланяться, чтоб дело отозвали.

Должно быть, в те дни я выглядела настолько плохо, что милиционер легко мог представить, как от меня уходит муж, а адреса не оставляет, чтобы не доставала. И его мало убеждали «забытые» деньги и документы.

– Хорошо, пусть так, но нет такого советского закона, чтобы ребенка у матери отнять! Я не тунеядка и не алкоголичка, ясно? Надо будет, побегаю и покланяюсь, вы только их найдите. – Возмущение сменилось тихой просьбой, и рука, держащая лист, задрожала.

Мужчина крикнул, сдвинул на давно немых волосах фуражку и, взяв листок, буркнул: – Ждите.

И я ждала. Отвечала на звонки друзей и знакомых, говоря одно и то же, задавая одни и те же вопросы и выслушивая одинаковые охи и ахи. Эти дни казались мне адом, но на самом деле не были даже его преддверием.

Земля разверзлась через неделю. Меня вызвали повесткой не в районное отделение милиции, а в Серый дом. Так у нас в городе называли главное следственное управление области. Тридцать лет спустя монументальное здание с колоннами перекрасят в желтый цвет, вызвав смешки и нездоровый ажиотаж среди граждан. Желтый дом уже существовал, на самом деле желтых построек было в городе в избытке, но один выделялся из прочих, сделав цвет именем нарицательным. Желтым домом в Ярославле называли психиатрическую клинику, или попростому – «дурку». Отсмеявшись, народ пожал плечами, философски рассудив: психушкой больше, психушкой меньше, а сомнения в здравомыслии органов были всегда.

Я миновала проходную, и следующие несколько часов отвечала на вопросы двоих следователей. Потому что такого человека, как Кирилл Трифонович Седов, не существовало в городе. Мир большой, и такое сочетание фамилии, имени и отчества встречалось, но это были не те Кириллы Седовы. Но возмущение органов вызывало другое – бланк паспорта был самым что ни на есть настоящим, тогда как сам документ никогда нигде не выдавался. А это значило, что утечка или кража произошла в самих органах.

– Вспоминайте! – рявкнул пузатый мужчина в сером костюме, ударяя кулаком по столу. Я уже даже не вздрогнула, за предыдущие часы удары стали почти привычными.

– Не могли же вы быть настолько слепой?

«Могла», – хотела ответить я, но вместо этого покачала головой.

– Ваша сберкнижка? – Второй следователь, худой и какой-то остроносый, сохранял спокойствие.

– Да.

– Знаете, сколько там денег?

– Да. Двести рублей, мы копили на...

– Двести тысяч! И мне даже интересно, на что вы до сих пор так и не накопили?

– Вы что-то путаете.

– Нет.

– Значит, это ошибка.

– Нет.

Я закрыла лицо руками.

– Откуда у человека, который проработал на заводе десять дней, а не десять лет, а потом просто не вышел на смену, такие деньги? Чем занимался ваш муж?

– Не знаю.

– Куда ушел?

– Не знаю.

– Вы говорили об Алексее, это друг вашего мужа? Сослуживец? В городе сейчас тридцать Алексеев Сельниковых, от десяти до семидесяти трех лет, который из них?

– Не знаю.

– Где ваша дочь?

– Деньги?

– Документы?

И так до бесконечности. Слезы, отрицания, крики и мольбы, которые никому не интересны. Ответов у меня не было, но задававшие вопросы не верили. Я и сама себе не верила.

Допрос длился пять часов, и еще десять я провела в камере, забывшись сном. А потом меня просто отпустили, выдали куртку и велели убираться.

Тогда я не думала, почему, я и сейчас об этом не думаю. Может, они полагали, что муж свяжется со мной, и ловили на живца. Или Кириллу было не совсем наплевать на жену, и он в очередной раз поговорил с нужным человеком, а, как известно, после разговоров с моим мужем люди иногда совершали странные поступки.

Все, чем я занималась следующие несколько часов, дней, недель – это рассматривала альбомы с фотографиями и перебирала вещи. В квартире провели обыск, и карточки из выphotрошенного альбома устилали пол, свитера Кирилла, пропитанные его запахом, валялись вперемешку с моими. Детские носочки, казавшиеся совсем маленькими, заставили реветь в голос. Я расклеилась, сдалась, впала в ступор. Спала, когда могла заснуть, а в остальное время пилилась на стены.

Помню, было десять утра, мама позвонила в очередной раз с очередной порцией утешений. Но мне было все равно, все потеряло смысл. Поначалу звонков раздавалось много, но собеседник из меня неважный, и многие сочувствующие исчезли. Остались лишь близкие. Это я поняла спустя время, тогда же хотела одного – чтобы мне вернули семью.

– Оля, – мамин голос был встревоженным, – Оля, как ты?

– Нормально.

– Не ври.

– Тогда не спрашивай. Со вчерашнего дня ничего не изменилось.

– Оля, я могу приехать прямо сейчас.

– Не надо.

– Но Оль...

– Пожалуйста, мам, не сейчас. – Я швырнула трубку на аппарат, обрывая очередное встревоженное «Оль».

Это был последний раз, когда я слышала мамин голос. А она – мой. Больше мы никогда не встречались.

Трубка упала на рычаг, и телефон тут же зазвонил вновь. Я дернулась, схватила аппарат, сорвала со стены и швырнула об пол. Легче не стало, и боль потери никуда не делась. Один из гвоздей крепления так и остался в стене рядом с косяком. Зато второй был вырван. В рваной бумажной дыре зеленел кусочек предыдущих обоев. Делая ремонт, мы просто наклеили новые обои на старые. И сейчас часть скрытого прошлого бесстыдно заглядывала в дыру. Я коснулась

бумажного края, обхватила и потянула, сдирая первый слой. А потом еще и еще, отрывая кусок за куском, боясь остановиться, боясь ошибиться и не доверяя собственной памяти.

За последние дни я перебрала вслед за милиционерами все вещи и все воспоминания, ища что угодно, за что можно зацепиться, и если не найти семью, то хотя бы понять – почему они исчезли.

В наше последнее утро Кирилл разбудил меня поцелуем, таким сонным и мягким, что у меня до сих пор мурашки бегут от воспоминаний. Не так прощаются с той, что стала не нужна. Иначе мне оставалось только выйти из подъезда, миновать лесополосу, мини-рынок, станцию, спуститься с перрона и сесть на рельсы. Какой только идиотизм не приходит в голову в моменты отчаяния!

Очередной кусок обоев остался в руках, открывая исписанную цифрами стену.

Я вспомнила звонок, прозвучавший в этой квартире семь лет назад. Леха, тот самый сослуживец мужа, торопливо поздоровался и попросил:

– Ольга, позови Кирилла, пожалуйста.

– Он в магазин пошел. За хлебом...

– Он что? За чем пошел? – вроде бы не поверил собеседник.

– За хлебом. – Я рассмеялась. – Не за водкой же.

– Да. – Мужчина на том конце провода замолчал.

Ко мне подбежала Алиска и, схватившись за подол халата, стала тянуть в сторону кухни. Маленькие ладошки были перепачканы в муке, я затеяла лепить пельмени, и дочка помогала, честно поедая сырой фарш прямо с кружков теста. Удивительно, какие детали подсовывает память.

Ткань треснула, и оборка осталась в маленьких пальчиках.

– Давай, он тебе перезвонит? Диктуй номер.

Я потянулась к стаканчику с карандашами, Алиса отпустила ткань, и та повисла, касаясь тапок. Дочка обхватила ладошками ногу и стала нараспев повторять:

– Ма-ма-ма-ма.

На том конце трубки что-то с горохом упало, и собеседник торопливо стал диктовать цифры. Я записала их прямо на обоях рядом с косяком. Алиса, потеряв терпение, дернула меня в сторону кухни, и последняя тройка номера съехала в сторону.

– Я передам, чтобы он перезвонил.

– Ма-ма-ма-маааа.

– Нет, скажи, что я прошу хозяина... вашего перезвонить. – Он выделил голосом слово «прошу».

– Передам. – Я положила руку на светловолосую голову дочери, и та сразу замерла, словно поняв, что через мгновение мама будет в ее распоряжении.

– Скажу, что на коленях умолял. – Я развеселилась.

Но собеседник ответил неожиданно серьезно:

– Так и скажи.

Все еще смеясь, я повесила трубку и занялась дочерью.

Один эпизод, один отрывок из жизни. Сейчас уже не удавалось вспомнить, как отнесся к просьбе друга Кирилл, и перезвонил ли.

Отдирая обои кусок за куском, я молилась, чтобы запись сохранилась, чтобы не затерлась и не затерялась среди кучи таких же. Я не в первый раз чиркала на стене. Мама потеряла надежду приучить меня к блокноту или тетради. Даже если бумага оставалась рядом, рука все равно поднималась к стене над аппаратом.

Нетерпеливый рывок, и в руках остался пласт размером с альбомный лист. Старая стена была исписана цифрами, буквами и даже кривобокими цветочками. Я наклонилась к надписям, почти водя носом по бумаге.

– Ну же! Где?

Буквы, черточки, крючочки. Это мой почерк? Отрубите мне руку.

Засаленная бумага, по которой я водила пальцем, бормоча проклятия и, скорее всего, походя на умалишенную, не спешила давать ответы. Взгляд зацепился за смазанную, съехавшую тройку. Шесть цифр, написанных другой женщиной в другой жизни. Я потянулась к тому же самому стаканчику с карандашами, выдвинула ящик трельяжа в поисках пресловутого блокнота, не сводя взгляда с номера. Нашла только счет за квартиру, но это уже не имело значения.

Руки дрожали так, что шесть цифр походили на древний алфавит. Первая четверка или семерка? Какая разница, попробую и так, и так.

Я села на пол, всматриваясь в телефонный номер, записанный поверх требуемой к уплате суммы. Номер, за который цеплялась, на который возлагала надежды, даже если им не суждено сбыться. Все это могло оказаться большим пшиком. Кирилл пропал для всех, так почему этот Леха должен стать исключением?

Телефон валялся в метре, я подхватила аппарат, перевернула и, не обращая внимания на обломки пластмассы, нажала на рычаг. Тишина. Еще раз. Опять тишина. Снова. И услышала спасительный гудок, больше похожий на треск.

Я торопливо набрала номер, начиная с семерки, и до боли сжала трубку, ожидая ответа. Аппарат хрюкнул и ответил короткими гудками. Занято, ладно, значит, номер точно существует.

Вторая попытка, но уже через четверку. Миг ожидания, я услышала хрипловатое «Алло» и едва не закричала. Я хотела, но голос внезапно пропал.

– Алло, да говорите же.

– Алексей? – через силу выдохнула я.

– Да. Кто это?

– Это Ольга. Ольга Седова.

– Черт, – выругался мужчина. – Не звони больше, поняла? Забудь...

– Забыть? – закричала я, чувствуя, как апатия сменяется злостью. – Кого забыть? Тебя? Кирилла? Свою дочь?

– Всех, – тихо ответил он, и повесил трубку.

Я сидела посреди коридора, держа на коленях разваливающийся аппарат, а голос в ушах повторял: «Забудь».

Трубка легла на рычаг, руки больше не дрожали. Слезы высохли, в голове образовалась звенящая очищающая пустота и четкость. Я точно знала, что нужно делать.

Леха не спросил, что случилось, не стал охать и успокаивать. А раз он не задает вопросы, значит, ответы ему известны. Или не нужны.

– Не хочешь со мной говорить? – Аппарат, звякнув, свалился с колен. – Я не оставляю тебе выбора.

Я снова полезла в открытый ящик, выкидывая весь хлам, что попадался под руку, расчески, заколки, запасные ключи, платок, засохшую помаду. В нетерпении, выдернув ящик из пазов, я просто перевернула его. Выругалась и схватилась за соседний. Она была там, книжка толщиной с мое плечо, которую открывали, дай бог памяти, лет пять назад.

Современные телефонные справочники больше похожи на глянцевые журналы с кучей рекламы. Справочник моего времени был отпечатан на плотной желтой бумаге и заключен в твердый переплет. В двадцатом веке мы платили деньги, чтобы напечатать в нем свой номер. В двадцать первом вы готовы отдать гораздо больше, лишь бы он исчез с его страниц.

Прямо сейчас встаньте, пройдите к телефону, достаньте справочник. Ах да, я и забыла, все давно уже перенесено в цифру, но вдруг у вас дома сохранился бумажный раритет. Раскройте на любой странице. Что вы видите? Две колонки: список фамилий с инициалами и

столбик номеров. В одна тысяча девятьсот восемьдесят первом была еще и третья, в которой печатался адрес. Да, тогда еще люди не боялись сообщать место жительства.

Я положила книгу на колени и раскрыла. У меня было шесть цифр и имя. Фамилии шли в алфавитном порядке, но не имена, и уж тем более не номера. Вы пробовали осуществлять поиск по цифрам? Нет? Уверю, много потеряли. Страницы сменяли друг друга, семерки чередовались с тройками и четверками, но нужного сочетания все не было.

Мне повезло через четыре часа. Спину ломило от боли, глаза слезились, в голове царил кавардак, но я даже не подумала остановиться. И нашла его.

Номер был зарегистрирован не на Сельникова, и не на Алексея, а на Твердина М., проживающего на улице Чкалова, проходившей через всю Пятерку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.